

МАРИЯ
Мендес

А ЛАН
Цена НЕВИННОСТИ

18+

Мария Мендес

Аслан. Цена невинности

<https://litres.ru/74009204>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Аслан, он не прикасался ко мне. Клянусь Аллахом, я всё ещё невинна!

— Слова. Это всего лишь пустые слова, Зарина.

— Я Я могу доказать.

Он усмехается зло. Его ярость сегодня пугает, она неконтролируемая.

— Ну так докажи, Зарина! Чего ты ждёшь?

— Мы можем завтра пойти к любому врачу, которому ты доверяешь

— Нет. Я больше никому не доверяю в этой жизни.

Он качает головой и собирается уходить, но я цепляюсь за его руку и останавливаю. А после, под его пристальным взглядом, начинаю снимать с себя сорочку.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, следя за движением моих рук.

— Если это единственный способ доказать тебе, что я не грязная, то я готова.

Альтернативный Кавказ! Все совпадения случайны.

Планируется истории про второстепенных героев.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	17
Глава 4.	23
Глава 5.	31
Глава 6.	39
Глава 7.	48
Глава 8	64
Глава 9.	70
Глава 10.	75
Глава 11.	81
Глава 12.	87
Глава 13.	94
Глава 14.	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Мария Мендес

Аслан. Цена невинности

ГЛАВА 1

Аслан

— Если ты на ней не женишься, её убьют.

Азамат стоит напротив моего стола, и я вижу, как напряжены его плечи под дорогим костюмом. Он сжимает кулаки, пытаясь держать себя в руках. Слова даются ему нелегко, и я прекрасно понимаю почему. Не каждый день гордому джигиту приходится склонять голову перед тем, кого он сам когда-то выставил за порог своего дома. Не каждый день приходится топтать свою честь и идти с протянутой рукой к человеку, которого ты и твоя семья публично унизили.

Я давно научился не показывать свои чувства никому. Но новость, с которой пришёл Азамат, нарушает то внутреннее спокойствие, которое я годами выстраивал. В конце концов, не каждый день мне сообщают, что женщина, которую я когда-то хотел назвать своей, может не дожить до завтрашнего утра.

Я смотрю на Азамата и позволяю себе усмешку. Пусть видит, что его слова не задели меня так, как он рассчитывал.

— И с чего ты взял, что судьба твоей сестры — моя забо-

та?

Мой голос звучит спокойно, даже слишком. Я откидываюсь на спинку кресла, не предлагая Азамату сесть. Он переминается с ноги на ногу, продолжая сжимать и разжимать кулаки, и я понимаю, что ему сейчас максимально не по себе. Вот и хорошо. Пусть почувствует, каково это.

— Аслан, я понимаю, что после всего, что произошло

— После всего? — перебиваю я. — Ты о чём именно? О том, как в прошлый раз вы меня прогнали с порога вашего дома? О том, как ваш отец при старших сказал, что я недостойн даже смотреть в сторону вашей сестры? Или о том, как твой брат публично, на глазах у всего аула, назвал меня нищибродом, который пришёл греть руки у чужого очага? О том, как он сказал, что моя семья слишком мала и незначительна, чтобы породниться с вами? Напомнить тебе, Азамат, как я тогда стоял перед вашим домом со своим отцом и старшими нашего рода, а ваш отец даже чай не предложил нам? Как выставил нас, словно мы пришли просить милостыню, а не руки его дочери по всем обычаям?

Азамат бледнеет.

Хорошо помню тот день. Мы с отцом и старшими нашего рода пришли к их дому просить руки Зарины. Встретили нас хуже, чем врага. В дом не пригласили, словно мы грязные и можем запачкать их дорогие ковры. Но это было только началом. Их отец с презрением на глазах у всех сказал, что я слишком беден. Что моя фамилия не из княжеских, а

из простых. Что наша кровь недостаточно благородна, чтобы смешаться с их родом. Что мы из тех, кто всегда прислуживал знатным, а не сидел с ними за одним столом.

Я тогда промолчал. Уважил старших, не стал позорить отца. Но пообещал себе, что больше никогда не дам им повода смотреть на меня сверху вниз и сдержал своё слово.

— Вы забыли, как поступили? — продолжаю я, наклоняясь вперёд и упираясь локтями в стол. — Или думаете, что я забыл?

Лицо Азамата краснеет, а потом он отводит взгляд.

— Это было давно, — говорит он тихо, но твёрдо. — Мы были неправы. Поступили не по совести и не по чести. Я это признаю. Моя семья это признаёт. Мы готовы принести свои извинения перед тобой и всей твоей семьёй. Но сейчас я пришёл просить тебя о помощи, Аслан.

Он поднимает на меня глаза, и я вижу то, чего мужчина нашей крови не должен показывать чужому. Азамат не из тех, кто склоняет голову и просит о помощи. Гордость у него в крови, как у всех нас. Но сейчас он стоит передо мной, топчет свою честь, и я понимаю, что дело действительно серьёзное.

— Может, ты ещё не в курсе, — продолжает он, и голос его звучит глухо, — но Зарина попала в беду. Её похитил мужчина, который хотел на ней жениться. Держал у себя больше суток.

Я молчу. Жду продолжения, хотя уже понимаю, что всё

это значит для неё Для всех них.

Азамат сглатывает и продолжает:

— Ты знаешь наши обычаи и традиции. Знаешь, что происходит с девушкой, которая провела ночь под одной крышей с чужим мужчиной без никяха. Знаешь, чем мы должны смыть этот позор с нашего рода. Кровью. Её кровью, Аслан!

— И что? — обрываю я его.

Встаю из-за стола и подхожу к окну. Смотрю на город, который раскинулся внизу. Мой город. Я здесь многого добился. Построил бизнес, заработал уважение, поднял имя своей семьи.

— Осталась бы у него, — говорю я, не оборачиваясь. — Вышла бы за того мужчину замуж, и дело с концом. Все знают наши законы. Негласные, но от этого не менее железные. Девушка провела ночь под чужой крышей — значит, она теперь принадлежит тому мужчине. Таковы правила наших предков. У твоей сестры особого выбора не было, Азамат. Вышла бы за него, родила детей, и никто бы слова не сказал. Так хотя бы честь сохранила бы и жизнь.

— Аслан... — начинает Азамат, но я разворачиваюсь к нему.

— Что «Аслан»? Я не прав, может быть? Традиции придумал я?

Азамат стискивает зубы. Вижу, как играют желваки на его челюсти. Ему хочется ответить, очень хочется. Но он держится. Понимает, что не в том положении, чтобы спорить со

мною.

— Да, можно было и так, — выдыхает он. — Но Зарина решила по-другому. Она не захотела выходить за него.

Он делает паузу, и я вижу, как тяжело ему даются эти слова.

— Но мы оба прекрасно знаем, какие последствия у таких решений. Либо отец, чтобы сохранить честь семьи, должен будет её... — Азамат не договаривает, но и так всё ясно. — Либо мы постараемся сохранить ей жизнь и найдём ей мужа. Аслан, я знаю, что ты...

— И вы решили повесить на меня своё пятно? — усмехаюсь я.

Возвращаюсь к столу, но не сажусь. Упираюсь руками в столешницу и смотрю на Азамата.

— С чего вы вдруг решили, что я соглашусь взять на себя ваш позор? Что я захочу жениться на девушке, которая провела сутки с другим мужчиной? На девушке из семьи, которая когда-то плюнула мне в лицо?

— Аслан! — рычит Азамат.

Он срывается. Делает шаг вперёд, и я вижу, как в его глазах вспыхивает гнев. Кавказская кровь. Горячая. Она у всех нас такая. Но я спокоен. Я контролирую ситуацию.

— Что «Аслан»? — повторяю я, глядя ему прямо в глаза. — Не нравится правда?

Азамат дышит тяжело. Расслабляет галстук, будто ему не хватает воздуха. Проводит рукой по лицу и выдыхает.

— Я же сказал, мы готовы принести тебе извинения, — говорит он медленно, стараясь держать себя в руках. — Если нужно прилюдно, мы это сделаем. Перед тобой и твоей семьёй. Но сейчас на кону жизнь моей сестры, Аслан. Мы все прекрасно знаем, что ты её любил. Что ты хотел...

— И неужели вы думаете, что я до сих пор её люблю? — усмехаюсь я.

Обхожу стол и опускаюсь в кресло. Валяжно, не спеша. Закидываю ногу на ногу и смотрю на Азамата, который всё ещё стоит.

— Послушай, Азамат, — говорю я спокойно. — Давай не будем тратить время. Ни моё, ни твоё. Я больше не заинтересован в твоей сестре. То, что с ней случилось, не моя зона ответственности. Мне жаль, что так вышло, правда жаль. Но запятнать себя и свою семью повторно я вам не позволю. Решайте свои проблемы сами.

Я делаю жест рукой в сторону двери.

— А сейчас, если не возражаешь, оставь меня. У меня много дел.

Азамат стоит и смотрит на меня. В его глазах читается столько эмоций, что я почти жалею его. Почти.

Он дёргает галстук, окончательно расслабляя узел, и его лицо краснеет от гнева и бессилия.

— Ты же понимаешь, что её убьют! — почти кричит он. — Отец и мои братья даже не знают, что я сюда пришёл! Я пришёл сам, от себя. Потому что хочу спасти свою сестру.

Девушку, которую ты когда-то любил. Если тебе не всё равно...

— Мне всё равно, — обрываю я его.

Встаю и подхожу ближе. Смотрю на него сверху вниз. Азамат ниже меня на добрый десяток сантиметров, и сейчас эта разница особенно ощутима.

— Ты знаешь выход, — повторяю я медленно. — Не заставляй меня повторяться. Уходи.

Азамат смотрит на меня ещё несколько секунд. Потом медленно кивает. Разочарование написано на его лице. Он разворачивается к двери, делает пару шагов, но вдруг останавливается.

— Хорошо, — говорит он, не оборачиваясь. — Если ты больше не любишь мою сестру и допустишь то, что хотят с ней сделать, скажи об этом ей сам. Глядя ей в глаза, как мужчина.

Он резко распахивает дверь, и мой взгляд тут же натывается на неё. На ту единственную женщину, которая выжгла шрамы на моём сердце...

ГЛАВА 2

Аслан

Первое, что я вижу, это её глаза.

Огромные, зелёные, бездонные. Те самые глаза, которые когда-то свели меня с ума и заставили забыть о гордости. Всё остальное скрыто под чёрной абаей. Ткань закрывает её с головы до ног, оставляя открытыми только эти проклятые глаза.

У нас не принято так одеваться. Наши женщины носят платки и длинные закрытые платья, редко кто закрывается полностью. Только в особых случаях, когда нужно скрыть лицо от чужих глаз. Несложно догадаться, почему Зарина сегодня в таком наряде. Они пришли тайно, скрываясь от посторонних взглядов, как воры в ночи. Если кто-то узнает, что дочь их рода была у меня в кабинете после того, как провела ночь у другого мужчины, её не спасёт никакое замужество.

— Зарина, подойди, — говорит Азамат с особой теплотой в голосе, когда обращается к сестре.

Она замирает на пороге. Пальцы её нервно перебирают ткань абаи, будто ища в этом движении хоть какую-то опору. Несколько секунд она стоит так, собираясь с духом, а затем медленно, еле-еле отпускает ткань и делает шаг вперёд.

Зарина заходит в кабинет, опустив глаза в пол. Не поднимает взгляд на меня. Даже не пытается. Стоит, покорная,

смиренная, с опущенной головой, как положено скромной девушке. Но я-то знаю, что это не скромность. Это стыд.

Она стоит на приличном расстоянии от меня, метра три, не меньше. В кабинете мы не одни, с нами её брат. Но сам факт того, что она здесь, в нескольких шагах от меня, дышит одним со мной воздухом, взрывает мне мозг.

Внутри бушует ураган противоречий. Любовь, которая когда-то сожгла меня дотла и превратила в пепел. И ненависть, которую я не хочу чувствовать, но она всё равно есть, разъедает изнутри, как кислота. Эти два чувства разрывают меня на части, и я не знаю, которое из них сильнее.

Затянувшуюся тишину разрывает голос Азамата:

— Скажи ей сам то, что только что сказал мне. Клянусь Аллахом, после этого я заберу сестру, и мы больше никогда не потревожим тебя.

— С чего ты взял, Азамат, что я вам что-то должен? — говорю я холодно. — Пришёл, просишь об услуге, а теперь требуешь. Не забывайся.

Злость поднимается внутри. Он нарушил мой покой, сорвал мне весь день, расковырял старые раны. А теперь ещё смеет разговаривать со мной таким тоном, будто мы равны.

Азамат бросает взгляд на свою сестру и снова сглатывает унижение. Благородно, может, и выглядит со стороны, но меня это больше не трогает.

— Я не требую, — говорит он, стараясь держать голос ровным. — Просто прошу повторить свой ответ при Зари-

не. Иначе она не поверит. А у меня нет времени на споры и уговоры с ней. Времени нет вообще, понимаешь? У нас с сестрой была договорённость, что если ты откажешь, я буду искать ей другого мужа.

— Вот значит как?

Перевожу взгляд на эту наглую и бесстыжую.

Раньше она считала меня недостойным. А сейчас словно снизошла и делает мне одолжение.

Внутри всё кипит от осознания этого. Я прищуриваюсь и прожигаю взглядом эти проклятые зелёные глаза. Глаза ведьмы. Не зря раньше говорили, что зеленоглазые умеют околдовывать мужчин и лишать их разума. Она именно такая и есть.

Зарина медленно, неуверенно поднимает взгляд. Впервые за все эти годы мы снова смотрим друг другу в глаза. Она не отводит взгляд, как положено девушке в её положении. Отвечает на мой взгляд, держит его.

Секунда. Две. Три.

Слишком долго. Неприлично долго для девушки, которая должна была опустить глаза в ту же секунду, как наши взгляды встретились.

Азамат прокашливается, напоминая сестре, где она находится и с кем. Только тогда Зарина вздрагивает, будто очнувшись, и опускает взгляд в пол.

Я не поворачиваюсь к Азамату. Продолжаю смотреть на неё.

— Хорошо, — говорю я медленно. — Я скажу своё решение. Но только ей. Наедине.

Тишина. Тяжёлая, давящая.

— Аслан, — начинает Азамат, и в его голосе слышится предупреждение.

— Либо так, — перебиваю я, всё ещё не глядя на него. — Либо уходите прямо сейчас. Оба.

Азамат рычит. Низко, предупреждающе.

— Ты же понимаешь, что это невозможно, — говорит он сквозь зубы. — Она незамужняя девушка. Осознано оставить её наедине с чужим мужчиной в закрытом помещении — позор похуже того, что уже случилось.

Я наконец поворачиваюсь к нему. Смотрю прямо в глаза.

— Это мои условия, Азамат. Либо принимаешь, либо уходишь.

— Аслан...

— Ты пришёл ко мне за помощью, — обрываю я его. — Я не приходил к тебе. Я не просил об одолжении. Это ты просишь. Так что либо по-моему, либо никак.

Азамат сжимает кулаки. Вижу, как напрягается его челюсть, как каждый мускул на его лице говорит о яростном протесте. Он не хочет уходить. Всё в нём против этого. Но выбора у него нет, и он это знает.

Он делает шаг к сестре, берёт её за плечо и наклоняется к её уху. Шепчет что-то быстро, тихо. Я не слышу слов, но вижу, как Зарина кивает, не поднимая головы.

Азамат выпрямляется и смотрит на меня. В его глазах читается жёсткое предупреждение.

— Если ты посмеешь...

— Выйди, — говорю я спокойно, но твёрдо.

Он смотрит на меня ещё несколько секунд. Потом, стиснув зубы, разворачивается и выходит из кабинета, закрывая за собой дверь.

Мы остаёмся одни.

Я и она...

ГЛАВА 3

Зарина

Дверь захлопывается за спиной брата, и я остаюсь наедине с человеком, который когда-то был моей мечтой.

Молчание давит на плечи, как каменная плита. Я не поднимаю глаз. Не могу. Не имею права. Стою, уткнувшись взглядом в дорогой паркет под ногами, и пытаюсь дышать ровно, хотя воздуха катастрофически не хватает под этой проклятой абайей.

— Подними голову, — слышу его голос.

Низкий. Жёсткий. Незнакомый.

Раньше он говорил со мной совсем по-другому. Мягко. С теплотой. Словно я была чем-то драгоценным, что боялся разбить неосторожным словом.

Но тот Аслан умер. В тот самый день, когда я отказала ему в последний раз.

— Подними голову, я сказал, — повторяет он, и теперь в его голосе звучит приказ.

Я медленно поднимаю взгляд. Встречаюсь с его глазами, и в груди что-то болезненно сжимается. Те же тёмные, почти чёрные глаза. Но теперь в них нет и следа того тепла, что было когда-то. Только лёд. И ненависть.

— Вот так лучше, — усмехается он. — Хочу видеть твои глаза, когда откажу тебе.

Слова режут, как ножом по живому. Но я не отворачиваюсь. Не имею права.

— Я не просила тебя ни о чём, — выдыхаю я тихо.

— Вот как? — Он делает шаг ближе. — Тогда зачем ты здесь?

— Азамат привёл меня. Я не хотела...

— Не хотела? — перебивает он и смеётся. Злобно, горько.

— Как же знакомо звучит. Ты всегда не хотела, Зарина. Не хотела рисковать. Не хотела идти против семьи. Не захотела выбрать меня.

Я закусываю губы, чувствуя, как внутри всё сжимается от боли.

— Аслан...

— Помнишь тот вечер? — обрывает он меня, делая ещё шаг. — После того, как твой отец выгнал меня и моих родных?

Я молчу. Конечно, помню. Как можно забыть тот вечер?

— Я тогда предложил тебе единственный выход, — продолжает он. — Единственный способ, при котором мы могли быть вместе. Ты помнишь, что я сказал?

— Помню, — шепчу я.

— Скажи вслух, — требует он. — Хочу услышать от тебя.

Я сглатываю комок в горле.

— Ты сказал... что украдёшь меня. Что увезёшь и... и проведёшь со мной ночь. И тогда моя семья будет вынуждена отдать меня за тебя. Потому что другого выхода у них не будет.

— Именно, — кивает Аслан. — Они могли ненавидеть меня сколько угодно. Считать недостойным. Плевать мне в лицо. Но забрать тебя обратно они бы не смогли. Либо отдать за меня, либо... — он делает паузу, — либо смыть позор кровью. Твоей кровью. И мы оба знаем, что твой отец не пошёл бы на это. Слишком ты дорога ему. Слишком любит он свою единственную дочь.

Слёзы жгут глаза. Я слишком хорошо помню тот разговор. Каждое проклятое слово сказанное мной ему.

— Это был наш единственный шанс, — продолжает Аслан, подходя ещё ближе. — Единственный чёртов шанс быть вместе! Всё, что тебе нужно было сделать, — это довериться мне. Пойти со мной. Рискнуть.

— Я не могла, — выдыхаю я.

— Не могла? — усмехается он. — Или не хотела?

— Не могла! Это было бы предательством! Я не могла предать родителей! Не могла пойти против их воли!

— Их не смогла предать, а мою любовь смогла.

— Аслан, я...

— Молчи, — рычит он сквозь зубы и делает очередной шаг в мою сторону, переходя дозволенные рамки приличия.

Я испуганно пячусь назад, пока моя спина не упирается в холодную стену.

Аслан ставит руки по обе стороны от моей головы, запирая меня между собой и стеной. Он так близко, что я чувствую тепло его тела, запах его парфюма. Слишком близко.

Неприлично близко для незамужней девушки и чужого мужчины.

— Что ты делаешь? — шепчу я, пытаюсь отстраниться, но он не позволяет.

— Хочу увидеть твоё лицо, — говорит он тихо.

Его рука тянется к никабу — чёрной ткани, которая закрывает моё лицо, оставляя открытыми только глаза.

— Не смей, — выдыхаю я.

Но он не слушает. Резким движением срывает никаб, и ткань падает на пол.

Я стою перед ним с открытым лицом. Ничто теперь не скрывает моих синяков, разбитой губы, ссадины на щеке.

Аслан замирает. Несколько секунд смотрит на меня молча, и я вижу, как что-то дрожит в его взгляде. Но потом он снова каменеет.

— Вот оно как, — говорит он медленно, проводя пальцем рядом с синяком под моим глазом, не касаясь кожи. — Этого бы никогда не случилось, согласишься ты тогда на моё предложение. Я бы оберегал тебя, словно самый хрупкий цветок. — Он всё же позволяет себе коснуться костяшками пальцев моей щеки.

— Аслан, ты не имеешь права... — начинаю я, но голос обрывается.

— Права? — усмехается он, наклоняясь ещё ближе. — Ты вспомнила о правах? Серьёзно? Вы сами пришли ко мне. Сами предлагаете взять то, что уже потеряло всякую цен-

ность. Бракованный товар, которому никто не даст и ломаного гроша. И при всём при этом ты пытаешься ещё себе цену набить? — Он замолкает, и в его глазах вспыхивает что-то злое. — Ты же теперь не чистая, Зарина. Не та девушка, за которую нужно просить руки через старших, платить калым, устраивать свадьбу. Ты запятнана. Опозорена. С тобой теперь можно что угодно делать, если кто-то не возьмёт тебя женой.

Его слова бьют сильнее любого удара. Сильнее, чем рука Заура, моего похитителя. Потому что он прав. По законам нашего народа я уже ничего не стою. Я грязь. Пятно на чести семьи.

— Хватит, — шепчу я, и слёзы наконец прорываются. — Пожалуйста, хватит.

Но он не останавливается. Наклоняется ещё ближе, так близко, что я чувствую его дыхание на своих губах.

— Ты хотела благословения родителей? — шепчет он. — Ты его считай получила. Теперь они готовы отдать тебя за любого, кто согласится взять опозоренную девушку. Даже за того, кого когда-то считали недостойным. Даже за меня.

Каждое его слово бьёт туда, где и так кровоточит. Каждое возвращает меня в ту ночь, когда я сделала выбор и потеряла его.

— Я не женюсь на тебе, Зарина, — говорит он тихо. На секунду в его глазах что-то мелькает, похожее на тоску, но тут же гаснет. Остаётся только равнодушие. — У меня уже

есть достойная невеста и скоро я на ней женюсь...

Глава 4.

Зарина

Я стою в углу гостиной и молчу. Молчу, потому что мне не дают права голоса. Молчу, потому что для них я уже не человек. Я всего лишь пятно на чести семьи, которое нужно смыть.

И вот они собрались, чтобы решить, как именно это сделать. В центре комнаты сидит отец. Рядом с ним мои старшие братья, дяди, все мужчины нашего рода. Они решают мою судьбу, а я должна просто стоять и слушать. Слушать, как говорят о моей жизни, будто меня здесь нет.

Рядом со мной стоит мама. Она держит меня за руку так крепко, что пальцы её впиваются в мою кожу до боли. Я чувствую, как дрожат её пальцы, как она изо всех сил пытается сдержаться. С другой стороны стоит Азамат, мой брат. Он молчит и смотрит в пол. С того момента, как он увёз меня от Аслана, он больше ни разу не посмотрел мне в глаза. Ему словно стыдно за то, что его попытка спасти меня обернулась для меня очередным унижением. Но я благодарна ему за то, что он хотя бы попытался. За то, что осмелился на то, о чём я даже мечтать не могла.

— Рашид, — говорит дядя Магомед, брат отца. Голос его звучит жёстко, без жалости. — Это позор для всего нашего рода. Ты должен принять решение. Сегодня же. У нас нет

времени на раздумья.

Отец молчит. Смотрит прямо перед собой, и я не могу понять, что творится у него в голове. Раньше я всегда знала, о чём он думает. Раньше он смотрел на меня с такой любовью, будто я была самым драгоценным, что у него есть. А сейчас он даже не смотрит в мою сторону.

— У нас всего три варианта выхода, — продолжает дядя. — Либо мы срочно находим ей мужа, хоть кого-нибудь, кто согласится жениться на ней после того, что случилось. Либо смываем позор кровью. Либо...

Он делает паузу, и я знаю, что он сейчас скажет.

— Либо возвращаем её Зауру.

Заур. Мне никогда не нравилось это имя, и теперь я понимаю почему. Этот человек противен мне так же, как противно само звучание его имени. Каждый раз, когда всплывают воспоминания о тех сутках мучений, что я провела в его доме, меня буквально тошнит.

— Самое верное решение — вернуть её Зауру, — говорит дядя. — Для него и его семьи это тоже позор, что от них отказались. Что девушка предпочла смерть, чем стать невесткой их дома. Они заинтересованы, чтобы она вернулась. Заключим никах, и дело будет закрыто. Никто не посмеет больше говорить о позоре. Заур станет её мужем, и скандал забудется. А убивать собственную дочь... это крайняя мера, Рашид.

Тишина. Я слышу, как бьётся моё сердце. Как дышит мама

рядом со мной. Она сжимает мою руку ещё сильнее.

— За деньги точно никто не согласится на ней жениться, — добавляет другой дядя. — Никто из хороших семей не возьмёт девушку, которая провела ночь с чужим мужчиной. Даже если она невинна. Люди всё равно будут говорить.

Я слушаю и чувствую, как внутри меня что-то ломается. Они говорят обо мне такие позорные вещи открыто, не заботясь о том, что я слышу каждое слово. То, что они настолько изменили своё отношение ко мне из-за того, чего я не совершала, ранит меня так сильно, что становится трудно дышать.

— Нет, — шепчу я.

Азамат сразу дёргает меня за рукав.

— Молчи, — шепчет он мне на ухо. — Зарина, молчи. Не говори ничего.

Но молчать я больше не могу. Всё внутри меня кипит, эмоции переполняют до краёв, и я больше не в силах сдерживаться.

— Нет! — кричу я. — Ни за что! Никогда!

Все головы поворачиваются ко мне. Отец вскакивает с места. Его лицо темнеет от гнева.

— Никогда я не буду его женой! — кричу я, и слёзы текут по моему лицу. — Никогда! Лучше убейте меня прямо сейчас! Я лучше умру, чем стану женой этого подонка!

Братья смотрят на меня с осуждением. Дяди качают головами. Кто-то из них шипит что-то про то, что я неблагодарная, что я не понимаю, какую жертву приносит семья.

Отец подходит ко мне быстро, решительно. Я вижу ярость в его глазах.

— Молчи, — говорит он сквозь зубы. — Молчи, иначе я не ручаюсь за себя.

— Папочка, — всхлипываю я. — Папочка, я же твоя дочь. Ты же меня любишь. Ты же не сделаешь этого. Я ничего плохого не делала. Почему мы должны соблюдать эти дикие, варварские традиции? Это неправильно! Я ни в чём не виновата! Я ничего не делала! Это он меня похитил! Он!

— Молчи, Зарина! — рычит отец. — Молчи и не смей вмешиваться в разговор старших! Как ты вообще смеешь!

Он поворачивается к маме.

— Асият, — говорит он жёстко. — Уведи её немедленно! О своём решении я сообщу позже.

Мама кивает и тянет меня к лестнице. Но я не могу просто так уйти. Я вырываюсь и бегу к отцу. Обхватываю его руками, прижимаюсь к нему.

— Папа, пожалуйста! — рыдаю я. — Это неправильно! Я ничего не делала! Пожалуйста!

Он отталкивает меня от себя. Резко, грубо, будто я какая-то грязь.

Я падаю на пол и смотрю на него снизу вверх, не веря в то, что только что произошло. На мгновение в его глазах промелькивает что-то, что я не могу точно распознать - сожаление, может быть, или боль. Но это длится лишь секунду, а потом его лицо снова становится каменным. Он ничего не го-

ворит, ничего не делает, чтобы помочь мне подняться. Просто стоит надо мной и смотрит, будто видит меня впервые.

И в этот момент что-то во мне ломается окончательно. Отец меня оттолкнул, и этот жест бьёт меня как пощёчина — прямо в самое сердце. Больно. Очень больно.

Раньше я была для него всем. Он боготворил меня. Гладил по голове так нежно, будто боялся причинить боль. Говорил, что я его радость, его свет. А сейчас он оттолкнул меня, как нечто грязное. Поступил со мной так же, как и все остальные.

Мама помогает мне подняться и уводит наверх, в мою комнату.

Я сажусь на кровать, и мама падает рядом со мной на колени. Она обхватывает мои руки, целует их, прижимается к ним лицом и плачет.

— Дочка моя, — рыдает она. — Зариночка, пожалуйста. Не сопротивляйся. Не сопротивляйся его решению. Он хоть и сильный, но он тоже уязвим. Он тоже ранен. Он пытается сохранить тебе жизнь, понимаешь? Пожалуйста, послушайся его. Не делай глупостей, милая. Мы что-нибудь придумаем. Выйдешь за Заура, поживёшь с ним немного. Потом мы что-нибудь придумаем. Найдём способ, чтобы он развёлся с тобой. Ты вернёшься домой. Мы тебя примем. Но сейчас, пожалуйста, согласись.

Я смотрю на неё. На её заплаканное лицо. На её трясущиеся руки.

— Мамочка, — шепчу я, и голос мой дрожит. — Я не смо-

гу. Понимаешь? Мне противно от одной мысли о нём. Я не могу представить, как буду жить с этим человеком под одной крышей, как буду называть его мужем. Он... он нехороший человек, мама. Он злой, жестокий. У него холодные глаза, в которых нет ничего человеческого. Он говорил со мной так, будто я не человек, а его собственность, с которой можно делать всё, что ему заблагорассудится. Он делает плохие вещи, мамочка. Я видела. Я слышала, как он разговаривает со своими людьми. Я боюсь его. Очень боюсь. Я не хочу. Не могу. Лучше умереть, чем стать его женой. Лучше умереть, чем каждый день просыпаться рядом с человеком, который вызывает у меня только отвращение и страх. Я Я умру, если он прикоснётся ко мне.

Мама обнимает меня, целует мои волосы, мои щёки, мои руки. Она прижимает меня к себе, как будто это последний раз, и я позволяю себе на мгновение поверить, что всё будет хорошо. Но этот хрупкий момент покоя разрушается, когда в дверь стучат и к нам заходит Азамат.

— Мама, — говорит он тихо. — Приведи Зарину вниз. Отец зовёт.

Мы спускаемся по лестнице. Все молчат. Отец стоит в центре зала, выпрямив спину, руки сложены за спиной. Когда мы с мамой спускаемся, он поворачивается к нам и делает несколько медленных, размеренных шагов в мою сторону.

— Мы приняли решение, — говорит он. — Ты вернёшься к Зауру. Мы заключим никах, и ты станешь его женой.

Это самое верное решение для всех. Я уже послал человека в их семью, так что скоро они приедут, и мы обговорим, как дальше поступим.

Я смотрю на него, и после его последних слов всё внутри меня отключается. Боль, которая терзала меня всё это время, вдруг исчезает. Слезы больше не текут по щекам. Всё, что можно было выплакать, я выплакала там, наверху, в объятиях мамы. Сейчас во мне только пустота и странное, почти пугающее спокойствие. Мне стало всё равно, что будет со мной дальше. И именно в этом безразличии я впервые в жизни иду против того, во что верила сама. Против того, во что продолжает верить мой отец. Против всех этих традиций и законов, которые душат нас, женщин, с самого рождения. И если это моё последнее слово в этой жизни, то пусть хотя бы оно будет моим. Я сама решу, как мне умереть - с достоинством или в позоре. И я выбираю достоинство.

— Ни за что, — говорю я тихо, но твёрдо. — Ни за что я этого не сделаю. Ваши дурацкие обычаи и традиции сгубили уже столько жизней. Я не позволю им погубить и мою.

Отец делает шаг ко мне, и я вижу, как меняется его лицо. Краснота разливается от шеи к вискам, глаза темнеют от ярости. Я замечаю, как напрягаются мышцы его челюсти, как сжимаются кулаки. А потом вижу, как медленно, словно в замедленной съёмке, поднимается его рука.

Пощёчина обрушивается на мою щеку резко и болезненно. Голова откидывается в сторону от удара, во рту появля-

ется металлический привкус крови. Уши закладывает, перед глазами мелькают искры. Я шатаюсь, теряя равновесие, но заставляю себя устоять на ногах. Медленно, очень медленно поднимаю голову и смотрю ему прямо в глаза.

— Иди, — говорит он. — Приведи себя в порядок. Скоро придёт семья Заура и ты сделаешь всё, что я скажу.

Я поднимаю подбородок. Смотрю на него с вызовом.

— Я сказала нет. Я не вернусь к нему.

Отец делает ещё шаг. Совсем близко. Его лицо в нескольких сантиметрах от моего.

— Это твоё последнее решение? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я.

Он заводит руку за спину и достаёт пистолет.

Мама кричит. Братья замирают. Кто-то пытается что-то сказать, но отец уже хватает меня за волосы. Больно, грубо. Тянет к выходу.

Я кричу от боли. Пытаюсь вырваться. Но он сильнее.

Он выволакивает меня из дома, и я чувствую, как под ногами проносятся ступени крыльца. Через мгновение меня бросают на землю, и я падаю, ударяясь коленями о твёрдую, холодную землю. Острая боль пронзает колени и ладони - я чувствую, как кожа сдирается о камни и грубую землю. Пыль поднимается вокруг, забивается в нос и рот, оседает на щеках, отчего жжёт ещё сильнее. Я пытаюсь отдышаться, поднять голову, но в этот момент моего лба касается холодный металл пистолета...

Глава 5.

Зарина

Холодный металл пистолета прижат к моему лбу, и я не могу пошевелиться. Не могу дышать. Время словно остановилось.

А потом всё взрывается.

— Рашид! — кричит мама.

Она выбегает из дома и бросается к отцу. Бежит отчаянно быстро, спотыкаясь о ступени и почти падая от спешки. Её крик разрывает ночную тишину, пронзает меня до самого сердца.

— Рашид, не делай этого! Умоляю тебя!

Она падает перед ним на колени прямо в пыль, хватается за его ногу обеими руками и прижимается к ней, будто это последнее, за что она может удержаться в этом мире.

— Пожалуйста! Не совершай эту ошибку! Не бери на душу грех! Она наша дочь, Рашид! Наша дочь! Пожалуйста, дай мне поговорить с ней ещё раз! Мы найдём выход! Мы всё решим! Только не это! Только не убивай её!

Она рыдает так, что её тело сотрясается от рыданий. Я вижу, как трясутся её плечи, как слёзы текут по её лицу, оставляя мокрые дорожки в пыли.

Следом из дома выбегают мои братья. Старший Тимур и средний Мурат. Они останавливаются в нескольких шагах от

нас.

— Отец, — говорит Тимур осторожно. — Подожди. Не горячись. Давай все остынем и подумаем спокойно.

— Мы можем ещё раз всё обсудить, — добавляет Мурат. — Давай только без крайних мер.

Дядя Магомед тоже выходит на крыльцо.

— Рашид, — говорит он твёрдо. — Мы послали человека к семье Заура. Ты не можешь просто так убить Зарину, не дождавшись ответа. Что мы скажем им, если они согласятся, а Зарины уже не будет?

Отец стоит неподвижно. Пистолет всё ещё прижат к моему лбу. Я вижу, как напряжены его руки, как сжаты его пальцы на рукоятке.

Потом он выдыхает. Медленно, очень медленно опускает пистолет.

— Асият, — обращается он к маме грубым тоном. — Поговори с ней. Если не одумается, клянусь, я завершу начатое.

Он разворачивается и заходит в дом, не глядя на меня.

Мама вскакивает на ноги и бросается ко мне. Обнимает меня, прижимает к себе так сильно, что мне больно.

— Зариночка, — шепчет она. — Дочка моя. Йа Аллах, что же происходит...

Братья помогают мне подняться. Я с трудом встаю на ноги, потому что колени болят так сильно, что едва удерживаю вес тела. Ладони тоже горят огнём, и каждое движение отзывается острой болью.

Мы медленно движемся к дому. Мама поддерживает меня с одной стороны, Мурат с другой, и я опираюсь на них всем весом, стараясь не упасть.

Мы почти дошли до крыльца, когда внезапно слышу хлопков двери с другой стороны дома.

Через мгновение в зал вбегает Азамат, явно в спешке. Он дышит тяжело, лицо его красное от быстрого бега.

— Отец! — выкрикивает он. — Отец, к нам пришёл Валиев! Аслан Валиев!

Я замираю.

Всё внутри меня сжимается в один болезненный узел. Сердце пропускает удар, потом начинает биться так быстро, что кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

Аслан.

Он пришёл?

Мне кажется, что я ослышалась. Что это моё воспалённое сознание рисует мне то, чего нет. Но Азамат стоит перед отцом, и я вижу его губы, вижу, как они шевелятся, произнося это имя снова.

Аслан Валиев.

Отец хмурится.

— Что он забыл здесь? — спрашивает он резко.

Азамат бросает быстрый взгляд на меня. Потом снова смотрит на отца.

— Он пришёл не один. С братом. Говорит, что хочет забрать Зарину.

Мир вокруг меня качается. Ноги подкашиваются, и я падаю. Мурат успевает подхватить меня, не даёт упасть на пол.

— Зарина! — кричит мама. — Зариночка, что с тобой?

Но я не слышу её. Не могу слышать ничего, кроме этих слов, которые звучат в моей голове снова и снова.

Он хочет забрать Зарину.

— Уведите её наверх, — командует отец. — Пусть приведёт себя в порядок.

Мама уже поворачивается, чтобы увести меня, но в этот момент распахивается дверь гостиной.

Я поднимаю глаза и вижу его.

Аслан входит первым. За ним его брат. Оба в тёмных костюмах, оба выглядят так, будто пришли на деловую встречу.

Взгляд Аслана скользит по комнате. Останавливается на мне на долю секунды. Я вижу, как его глаза отмечают ссадины на моих руках, грязное, испорченное платье и слёзы на моём лице. А потом он отводит глаза. Просто отводит, будто ему всё равно на то, что увидел.

Его взгляд переходит на отца, и лицо его остаётся абсолютно спокойным, невозмутимым. Холодным.

— Рашид, — произносит он, кивая в знак приветствия. — Надеюсь, мы не помешали.

Голос его звучит ровно, без эмоций. Будто он не видел меня только что. Будто ему всё равно на то, что со мной творят. И это ранит меня сильнее, чем пистолет у виска. Сильнее, чем все слова отца.

— Мама, — шепчет Мурат, подталкивая её. — Уводи Зарину.

Она берёт меня за руку и ведёт к лестнице. Я иду, но оборачиваюсь через плечо.

Аслан стоит в центре гостиной рядом со своим братом. Спина прямая, руки свободно опущены вдоль тела. Я вижу, как он смотрит на отца. Спокойно, деловито, но с едва уловимым презрением в глазах. Пять лет назад отец выставил его за порог как нищего. А сейчас именно Аслан стоит здесь с явным превосходством, и отец это чувствует. Я вижу это по тому, как напряжены плечи отца, как он сжимает кулаки.

Всё изменилось. И они оба это понимают.

Мама заводит меня в ванную, осторожно закрывая за нами дверь. Её руки дрожат, когда она помогает мне раздеться, бережно снимая с меня испачканную одежду. Потом она включает душ, и звук льющейся воды наполняет маленькую комнату.

Горячая вода обжигает ссадины на коленях и ладонях, и я вздрагиваю от боли. Но это ничто по сравнению с тем, что творится у меня внутри.

Я дрожу. Всё тело трясётся так сильно, что я едва держусь на ногах. Слезы текут по моему лицу, смешиваясь с водой.

Аслан пришёл за мной.

Он пришёл, хотя ещё утром отказал мне.

— Всё будет хорошо, — шепчет мама. — Всё будет хорошо, доченька.

Но я не знаю, будет ли.

Проходит некоторое время после того, как я с помощью мамы привожу себя в более-менее приличный вид. Мы сидим в моей комнате в тишине, и я слышу только приглушённые голоса мужчин внизу. Потом раздаётся тихий стук в дверь. Заходит Азамат. Он останавливается на пороге, и по его лицу я вижу, что новости не из приятных.

— Вас ждут внизу, — говорит он тихо, обращаясь к маме, но глядя на меня.

Горло сжимается от страха, будто чья-то невидимая рука душит меня. Он стал чем-то большим, чем просто эмоция. Теперь это часть меня. Он живёт в каждом моём вдохе, пульсирует в каждом ударе сердца, не отпускает ни на секунду. Кажется, что я уже не помню, каково это жить без этого постоянного, давящего ужаса.

Мы спускаемся по лестнице, и каждая ступенька даётся мне с огромным трудом. Ноги словно налиты свинцом, руки дрожат, когда я держусь за перила. Пульс стучит в ушах так громко, что полностью заглушает голоса мужчин, доносящиеся из гостиной внизу.

Первым за кого я цепляюсь взглядом это Аслан. Он сидит на диване, а рядом с ним его брат Руслан. Оба в тёмных костюмах, оба сидят прямо, с достоинством. Напротив них сидит мой отец и дядя Магомед. Остальные мужчины нашей семьи стоят позади, молча наблюдая.

Когда мы с мамой входим, все головы поворачиваются к

нам.

Взгляд Аслана находит меня сразу. Я вижу, как его глаза скользят по пластырям на моём лице, на руках, по моему бледному лицу. Но его выражение не меняется. Он смотрит на меня так же холодно и отстранённо, как смотрел тогда, когда только вошёл в дом.

— Зарина, — говорит отец. — Подойди сюда.

Я делаю несколько шагов вперёд. Останавливаюсь посередине комнаты.

Отец смотрит на меня долго. Потом переводит взгляд на Аслана. Потом снова на меня.

— Ходить вокруг да около не буду, — говорит он. — У тебя есть три варианта. Первые два ты и так знаешь. Либо ты возвращаешься к Зауру Бештоеву и становишься его женой.

Я вздрагиваю при упоминании этого имени.

— Либо, — продолжает отец, и голос его становится жёстче, — ты осознанно заставишь меня стать детоубийцей.

Тишина. Тяжёлая, давящая.

— Или же, — отец делает паузу, — ты станешь второй женой Аслана Валиева.

Второй женой.

Эти слова эхом отдаются в моей голове.

Второй женой...

Я медленно поворачиваю голову и смотрю на Аслана.

Он смотрит на меня ледяным взглядом, и всем своим видом показывает, что это тот максимум, на который он готов

пойти ради меня. Не больше.

А мне в этот момент просто хочется провалиться сквозь землю и больше никогда ни одного из них не видеть и не слышать.

Глава 6.

Зарина

Предложение Аслана разбивает меня. Не просто ранит, а разбивает вдребезги мою гордость, мою душу, всё то, за что я держалась эти сутки. Я перестаю слышать, что происходит вокруг. Голоса мужчин, их споры, дыхание мамы рядом, всё смешивается в один сплошной шум, будто я провалилась под толщу воды и не могу выплыть на поверхность. Только глухой гул в ушах и эти два слова, которые звучат снова и снова.

Вторая жена.

Эти слова словно клеймят меня навсегда, ставят печать на моём лбу, кричат всему миру, что я грязная, использованная, недостойная.

Но я не грязная.

Я знаю правду. Я знаю, что я чистая, что я невинна, что я ни в чём не виновата. Заур не прикоснулся ко мне. Ни разу. Он держал меня взаперти, пугал, угрожал, но не тронул. И я это знаю. Моё сердце это знает. Моё тело это знает.

Но им всё равно.

Всем вокруг всё равно на правду. Для них я уже запятнана самым фактом того, что провела ночь под чужой крышей. Для них я товар второго сорта, которым можно распорядиться как угодно. Отдать в качестве второй жены. Унизить. Растоптать.

Сердце обливается кровью от этой несправедливости. От того, что меня судят за то, чего я не совершала, за то, что со мной даже не успели сделать.

Я смотрю на Аслана и делаю шаг назад.

Качаю головой.

Нет.

Я не могу себя предать. Не могу пойти против самой себя. То, что он предлагает, идёт против всего, во что я верю. Мои ценности и его предложение никогда не сойдутся. Ни за что не позволю. Не быть этому.

— Нет, — говорю я, и голос мой звучит тише, чем я хотела, но твёрже, чем я ожидала. — Я не выйду замуж. Ни за Заура, ни за Аслана.

Тишина.

Все смотрят на меня, будто я сошла с ума.

— Либо убейте меня прямо сейчас, — продолжаю я, и слова вырываются наружу сами, без контроля. — Либо отпустите. Я уеду. Далеко. Время пройдёт и все забудут обо мне. Вашего позора не станет.

Я смотрю на Аслана. Смотрю с разочарованием, с болью, с непониманием. Как он мог? Как он мог прийти сюда с таким предложением? Неужели месть для него так важна? Неужели его сердце настолько очерствело, что он готов опуститься так низко?

Отец делает резкий выпад в мою сторону. Лицо его багровеет, глаза наливаются кровью.

— Ах ты неблагодарная! — кричит он, и голос его дрожит от ярости. — Я из кожи вон лезу, чтобы сохранить тебе жизнь! Пытаюсь спасти тебя от позора! А ты мне ещё условия ставишь?!

Он идёт ко мне быстрыми, тяжёлыми шагами. Я вижу, как сжимаются его кулаки, как искажается его лицо. Он поднимает руку, замахивается, чтобы ударить меня.

И тут раздаётся голос.

— Рашид.

Один только голос. Спокойный, но с такой силой, с таким предупреждением, что отец замирает на месте.

Аслан.

Мы все оборачиваемся на этот голос. Он всё ещё сидит на диване, но поза его изменилась. Он слегка подался вперёд, и в его глазах читается что-то жёсткое, непреклонное.

Отец останавливается. Медленно опускает руку. Поворачивается к Аслану, и я вижу, как меняется его лицо. Недоумение смешивается с яростью, челюсть напрягается, глаза сужаются.

Я знаю этот взгляд. Отец не привык, чтобы ему указывали, что делать. Тем более в его собственном доме. Тем более когда речь идёт о его дочери. Он смотрит на Аслана так, будто не верит в то, что только что услышал. Будто взвешивает, что ответить, как поставить его на место.

Но не успевает он открыть рот, как дверь распаивается и к комнату входит один из помощников отца. Он торопливо

прикладывает руку к сердцу в знак уважения и говорит:

— Рашид, мы получили ответ от семьи Бештовых. Они согласны. Завтра утром приедут за Зариной, чтобы заключить никях и забрать её в дом Заура.

Нет. Нет-нет-нет.

Мир вокруг меня качается. Завтра утром. Они приедут завтра утром.

Отец тяжело выдыхает и пытается объяснить опасно прищурившемуся Аслану, что происходит.

— Я послал человека к ним ещё до твоего прихода.

Аслан встаёт. Медленно, не торопясь. Его движения спокойные, уверенные. Он смотрит на отца сверху вниз, и в этом взгляде столько превосходства, что даже я это чувствую.

— Но это же не меняет нашей договорённости, Рашид?

Отец смотрит на него долго. Потом медленно кивает.

— Да, — говорит он. — Но теперь всё сложнее. Если ты не заберёшь её сегодня ночью, завтра утром мне придётся отдать её Бештовым. Иначе это станет оскорблением для их семьи. Ты понимаешь?

О, Аллах, что же это происходит?!

Отец же не может не понимать, что предлагает Аслану. Аслан на это никогда не согласится. Он дал ясно понять, что место первой законной жены неприкосновенно.

Брат Аслана чуть наклоняется к нему и что-то тихо говорит, так, чтобы слышал только он. Но, видимо, слова брата ему совсем не нравятся. Аслан хмурится и жестом руки

останавливает брата, не дав договорить.

— Рашид, Бештоев твоя проблема. Моя свадьба состоится через две недели, и только после этого я заберу Зарину. Не пытайся переиграть меня, я могу и передумать.

Не могу поверить. Неужели он действительно думает, что то, что сейчас было озвучено про Бештоевых, постановка? Думает, что отец хочет его обмануть и заставить быстрее жениться на мне?

Не выдерживаю. Все мои тормоза отказывают, я теряю контроль и позволяю себе самую что ни на есть настоящую истерику.

— Прекратите! — кричу я. — Прекратите говорить обо мне, как о вещи! Я не товар! Я живой человек! Я не выйду! Я не хочу всего этого!

Я задыхаюсь, не могу нормально вдохнуть. Слезы текут по лицу, но я их не чувствую.

— Отпустите меня! — кричу я. — Просто отпустите! Я больше ни о чём не прошу! Я уйду! Исчезну! Вам не придётся меня видеть и решать проблемы связанные со мной!

Отец взрывается.

Он рывком достаёт пистолет из-за пояса и наводит его на меня.

Но братья быстрее реагируют. Тимур и Мурат налетают на него, хватают за руки, пытаются удержать. Отец вырывается, кричит что-то, но я не слышу слов. Слышу только звон в ушах и собственное бешеное сердцебиение.

А потом раздаётся выстрел.

Я вскрикиваю и инстинктивно закрываю лицо руками. Пуля уходит в стену, штукатурка осыпается на пол. Братья удерживают отца, не дают ему сделать второй выстрел.

Я пятюсь назад, пока не упираюсь спиной в угол. Сползаю по стене вниз, прижимаюсь к полу, закрываю голову руками и просто сижу так, дрожа всем телом.

Не могу дышать. Не могу думать. Только чувствую этот всепоглощающий, парализующий страх. И в этот момент передо мной появляется Аслан. Он закрывает меня собой и, чуть подняв руки в успокаивающем жесте, обращается к отцу.

— Рашид, дай мне пять минут. Я хочу поговорить с Зариной наедине. Уверен, я смогу её переубедить.

Отец ничего не отвечает. Тяжело дышит, всё ещё в руках братьев.

— Хорошо, — говорит дядя Магомед. — Пять минут. Все выходим.

Я слышу шаги. Слышу, как закрывается дверь. А потом тишина.

Медленно опускаю руки и поднимаю глаза.

Аслан смотрит на меня сверху вниз. Потом медленно опускается на корточки, чтобы оказаться на одном уровне со мной.

Но даже так, даже сидя на корточках, он выглядит так, будто возвышается надо мной. В его позе есть что-то власт-

ное, непреклонное.

— А теперь слушай меня внимательно, Зарина, — говорит он твёрдо, не терпящим возражений тоном. — Времени на твои капризы нет. Ни у тебя, ни у меня. Поэтому давай сразу договоримся и расставим все точки над "и".

Он делает паузу, смотрит мне прямо в глаза.

— Я не отказываюсь от своего предложения. Да, оно немного меняет мои планы. Но я всё равно заберу тебя отсюда. И да, ты не будешь единственной женой. Это всё, что тебе сейчас нужно знать. Поэтому не выделывайся. Это твой единственный шанс выйти из этого дома живой. И в конце концов, я не самый худший вариант, с которым ты можешь согласиться. Ты меня знаешь. Когда-то ты меня любила. А я точно лучше, чем смерть. И уж точно лучше, чем этот мерзавец Бештоев.

Слёзы снова наполняют мои глаза. Я смотрю на него, и внутри всё сжимается от боли.

— Зачем? — шепчу я, и голос мой дрожит. — Зачем ты всё это делаешь? У тебя же есть любимая. Зачем я тебе? Я не понимаю. Зачем?

Я задыхаюсь от слёз, от вопросов, которые разрывают меня изнутри.

— Как ты можешь так поступить с ней? С девушкой, которую любишь? Я не хочу! Я не могу этого принять! Я не хочу быть между вами! Я не смогу! Не надо! Я не знаю, какие цели ты преследуешь. Может, ты пожалел меня. Может,

что-то ещё. Но не надо этого делать! Не надо так поступать с ней! Я свою судьбу принимаю. И если суждено, значит, я отсюда сегодня не выйду. Но я не смогу так поступить с другой девушкой. Не смогу разбить её счастье!

Аслан смотрит на меня долго. В его глазах промелькивает что-то, чего я не могу распознать.

— Какие громкие, красивые слова, — говорит он наконец, и в голосе его слышится горечь. — Когда-то тебе не помешало убить мою любовь. А сейчас ты вдруг такая правильная. Такая благородная.

Я качаю головой.

— Я тебя не узнаю, — шепчу я. — Правда не узнаю. Но я устала. Очень сильно устала. Я больше ничего не хочу. Пожалуйста, уходи. Я не соглашусь выйти за тебя. Мне не нужна твоя жалость. Я лучше достойно приму свою судьбу, чем испорчу жизнь и тебе, и твоей девушке.

Аслан вздыхает. Проводит рукой по лицу.

— Послушай, милая Зарина, — говорит он, и в его голосе появляются стальные нотки. — Ты либо добровольно уйдёшь со мной, либо я заберу тебя силой этой ночью. Не создавай новых проблем. Будь умницей.

Я начинаю возражать, открываю рот, чтобы сказать "нет" ещё раз.

Но он поднимает руку. Медленно, очень медленно проводит большим пальцем по моей нижней губе.

Прикосновение лёгкое, почти невесомое. Но в нём столь-

ко чего-то интимного, запретного, что я замираю. Теряю дар речи. Забываю, что хотела сказать.

— Хоть раз в жизни сделай так, как я скажу, — шепчет он, глядя мне в глаза. — Ладно?

Я молчу. Не могу вымолвить ни слова. Не могу пошевелиться.

И в этом молчании, в этой тишине словно загипнотизированная, я даю своё согласие.

Аслан видит это. Понимает. Медленно убирает руку и встаёт.

— Готовься, — говорит он. — Мы уезжаем через час.

И выходит из комнаты, оставляя меня одну.

Одну с моим решением, которое я только что приняла.

Решением, которое изменит всю мою жизнь.

Глава 7.

Зарина

Мы с мамой сидим в моей комнате и молча собираем вещи. Она открывает шкаф, достаёт платья, складывает их в сумку. Движения её быстрые, но осторожные, будто каждую вещь она берёт в последний раз. Я сижу на краю кровати и просто смотрю, не в силах помочь ей.

Всё моё внимание поглощено тем, что происходит у меня внутри. Там всё ещё бушует буря. Разум кричит, что это всё неправильно. Что я не могу так поступить с другой девушкой, разрушить её жизнь, отнять у неё счастье. Что я не могу стать второй женой, той, которую взяли из жалости, из милости.

Но с другой стороны, я уже не знаю, хочу ли я продолжать бороться. Я очень устала сопротивляться всему этому.

А ещё меня не отпускает то, что произошло внизу. То прикосновение Аслана. Оно было таким неожиданным, таким интимным, таким запретным.

Это было так не похоже на того Аслана, которого я помнила. Раньше, когда мы встречались тайно и оставались наедине, он никогда не позволял себе ничего подобного. Всегда держал дистанцию, уважал меня, берёг мою честь.

А сейчас он сделал это. Когда все вокруг считают меня грязной, когда я стою на краю пропасти, когда моя честь

под вопросом. По всем правилам я должна была оскорбиться таким жестом, должна была возмутиться его дерзостью. Но вместо гнева я почувствовала что-то совсем другое. Что-то, чего не имела права чувствовать. Романтику в этом прикосновении. Нежность, которая стояла за ним. И желание, которое вспыхнуло внутри меня от одного только касания его пальца.

Всё это неправильно. Я не должна этого чувствовать. Не сейчас, не в такой ситуации.

— Зариночка, — говорит мама тихо, и я вздрагиваю, возвращаясь в реальность.

Она садится рядом со мной на кровать, берёт мои руки в свои.

— Дочка моя, быть второй женой — это нелегко. Это большое испытание от Всевышнего, и я прекрасно это понимаю. Знай, что это не та судьба, которую я мечтала для тебя, не то счастье, о котором молилась. Но при всём при этом, учитывая то, что произошло, быть второй женой Аслана — это действительно самое лучшее для тебя из всех возможных вариантов, которые у нас остались.

Она сжимает мои руки сильнее.

— Мне будет спокойно за тебя, если ты будешь с ним. Я знаю Аслана с детства, знаю его семью, знаю, каким человеком он вырос. Он достойный, честный, справедливый. Он никогда не поднимет на тебя руку, не унижит тебя. И главное, дочка, он будет справедлив. Справедлив и к тебе, и к той де-

вушке, на которой женится первой. Это важно, понимаешь? В таком браке самое страшное — когда муж делает различия между жёнами, когда одну любит, а другую терпит. Но Аслан не такой. Я это знаю.

Она отводит глаза и выдыхает, словно сбрасывая тяжёлый груз с души.

— Мне больно это говорить, Зариночка. Больно признавать, что моя дочь станет второй женой. Но, йа Аллах, лучше он. Правда, лучше он, чем тот подлец Бештоев, который держал тебя силой. И уж точно лучше, чем... не дай Аллах... смерть.

Я молчу. Горло сжимается, и я не могу вымолвить ни слова в ответ. Что я могу ей сказать? Что всё будет хорошо? Что я не боюсь? Это будет ложью. Поэтому я просто сижу на краю кровати и смотрю, как мама быстро, почти суетливо заканчивает собирать мои вещи, складывая последние платья в сумку.

— Как только всё устаканится, — продолжает она, застёгивая сумку, — мы соберём остальные твои вещи и привезём их тебе, как положено, после заключения никаха.

Спустя некоторое время в дверь стучат. Заходят мои братья — Тимур и Мурат. Лица их серьёзные, хмурые.

— Пора, — говорит Тимур коротко.

Мы спускаемся вниз. Внизу стоит Аслан со своим братом Русланом. Оба молча ждут у выхода.

— Тимур и Мурат едут с вами, — говорит тяжёлым голо-

сом отец. — Будут сопровождать Зарину, чтобы убедиться, что ты со своей стороны тоже выполняешь договорённости.

Я хочу спросить, куда мы едем, но слова застревают в горле. Все вокруг такие мрачные, с каменными лицами, молчаливые и напряжённые. По одному их виду я понимаю, что сейчас не время задавать лишние вопросы.

Мы садимся в машины. Я в одной с Асланом, его братом и Муратом. Тимур едет за нами в другой машине. Всю дорогу молчим. Аслан смотрит в окно, брат его тоже. Мурат сидит напряжённый, сжав кулаки на коленях.

Проходит время, и я замечаю, что мы въезжаем в район с частными домами. Большими, красивыми, дорогими. Машина останавливается возле одного из них — огромного, шикарного, с высоким забором.

Братья помогают мне выйти из машины, и мы направляемся к дому. Аслан с Русланом идут впереди, как и положено хозяевам, а мы следуем за ними на почтительном расстоянии. Когда мы подходим ближе к воротам, я замечаю, что у входа стоят охранники. Не один и не два, а несколько человек, все в форме, все вооружённые, все внимательно следят за происходящим.

Это меня настораживает. В нашем доме никогда не было такого. Я не привыкла к подобным масштабам, к такой серьёзной охране. Это говорит о том, насколько изменился Аслан, насколько вырос его статус за эти пять лет.

Мы заходим в дом, соблюдая ту же последовательность.

Аслан первым переступает порог, за ним Руслан, а следом уже мы с братьями. Едва мы оказываемся в прихожей, как до меня доносится радостный женский голос из гостиной.

— Сынок! Наконец-то! Мы уже заждались!

Я сразу узнаю голос мамы Аслана. Помню, как тётя Фатима ласково называла меня красавицей, когда мы жили по соседству и я приходила к ним в гости. Тогда она всегда встречала меня с улыбкой, с теплотой.

Но когда я вслед за братьями захожу в гостиную, всё меняется в одно мгновение. Улыбка на её лице застывает, словно её заморозили. Радость в глазах гаснет, сменяясь сначала недоумением, а потом откровенным презрением.

— Что они здесь делают?! — шипит она, и в её голосе столько яда, что я даже инстинктивно делаю шаг назад.

Мне становится не по себе от этого тона, от этого взгляда. Я опускаю глаза в пол, но всё же успеваю заметить, кто ещё присутствует в гостиной.

Отец Аслана сидит в большом кресле у окна. Лицо его хмурое, серьёзное, непроницаемое. Рядом с ним на диване расположилась его родная сестра, тётя Амира. Я помню её ещё с детства, когда наши семьи жили рядом. Напротив них сидят две девушки. Самира, родная сестра Аслана, которая младше его на три года, и Зарема, дочь Амиры. Все они смотрят на меня с нескрываемым удивлением и любопытством.

Аслан делает шаг вперёд, выходя в центр гостиной. Движения его спокойные, уверенные, в них нет ни капли смуще-

ния. Он не обращает внимания на напряжённую атмосферу, на недовольство матери, на шокированные лица родных.

— Я привёл в наш дом Зарину, — говорит он просто, без лишних церемоний и объяснений. — Она станет моей второй женой. Сначала я женюсь на Мадине, а после этого заключу никах с Зариной.

Тишина.

Все замирают, будто не веря своим ушам.

А потом взрывается мать.

— Ты что такое говоришь?! — не веря своим ушам, повышает она голос, и лицо её наливается краской. — Скажи мне, что ты шутишь, Аслан!

— Брат, — вскакивает с места Самира, её голос звучит умоляюще и гневно одновременно, — ты не можешь этого сделать! Не можешь так с нами поступить! Не после того, как их семья унизила тебя, нас!

Но Аслан не смотрит ни на мать, ни на сестру. Его взгляд прикован к отцу, который молча наблюдает за происходящим.

— Сын, — говорит отец тяжело. — Пойдём. Поговорим в моём кабинете.

Аслан кивает и следует за отцом.

— Нет! — кричит его мать. — Нет, ты скажешь всё прямо сейчас! При всех! Если уж на такое пошёл!

Она бросается за ними, почти бежит, чтобы догнать.

Мы остаёмся стоять в гостиной. Все молчим. Никто не

знает, что делать, что говорить.

Проходит несколько минут неловкого молчания. А потом из кабинета, куда зашли Аслан с родителями и его тётёй Амирой раздаются крики.

— Ни за что! — голос матери Аслана пронзает тишину.
— Ни за что я этого не приму! Не смей, Аслан! Не смей!

Мы слышим приглушённые голоса, спор продолжается, но теперь они говорят тише, и слов уже не разобрать. Понятно только одно, скандал не утихает.

Ещё пара минут, и дверь кабинета открывается. Выходит отец Аслана. Лицо его мрачнее, чем ночь за окном. За ним Аслан, невозмутимый, как всегда. А сзади мать, красная от гнева и слёз.

Отец останавливается посередине гостиной. Смотрит на всех нас, на моих братьев.

— Раз мой сын принял такое решение, значит, так тому и быть, — говорит он твёрдо. — Но до заключения никаха Аслан и Руслан будут жить в другом месте. У нас есть честь. Мы не такие, как Бештоевы. Мы не бросим тень на честь вашей сестры. До заключения никаха они не будут жить под одной крышей.

Но мать Аслана не успокаивается. Она вся дрожит от ярости, лицо её красное, будто она сейчас взорвётся.

— Вы приняли решение, — говорит она, и голос её звучит ядовито. — Моё мнение, видимо, никакой роли не играет. Ладно. Пусть так. Но я не позволю ей находиться здесь в

статусе гостя. Если ты собрался на ней жениться, заключа́й ника́х сегодня́ же. Прямо́ сейчас. Иначе́ я не позволю́ хоть ка́пле сомне́ния пасть на нашу́ семью́.

Она́ смотре́т на Аслана́ с вызово́м, с како́й-то злобно́й реши́мостью.

— Ли́бо так, ли́бо забудь о том, что я твоя́ ма́ть. Это моё́ последне́е сло́во.

Тиму́р дела́ет шаг впе́рёд.

— Так дела́ не дела́ются, — гово́рит он ре́зко. — У нас е́сть догово́ре́нность с Асла́ном. Мы не бу́дем заклю́чать ника́х под по́кровом но́чи, сло́вно соверша́ем преступле́ние.

Оте́ц Аслана́ смотре́т на Тиму́ра до́лго. По́том гово́рит споко́йно, но твёрдо́:

— Мы то́же со мно́гим бы́ли не согласо́ваны, ко́гда вы уни́зили моего́ сы́на и выгна́ли его́ из сво́его до́ма, как ни́щего. То́гда нам при́шлось при́нять ва́ши пра́вила и про́глотить оскорбле́ние ра́ди сохра́нения че́сти. Сейча́с же ситуаци́я изме́нилась, и вы оказа́лись не в том по́ложении, что́бы диктовать нам усло́вия. Если хо́тите сохра́нить жи́знь ва́шей се́стре, ва́м при́де́тся смири́ться со мно́гим, на что́ ра́ньше вы бы́ нико́гда не согласо́вались.

Му́рат обра́щается к Асла́ну, и́щет его́ взгля́д, пыта́ется по́нять, как поступи́ть. Асла́н смотре́т на мо́их бра́тьев, по́том на о́тца. Уста́ло про́водит ру́кой по́ лицу́.

— Я не по́йду про́тив ма́тери бо́льше, — гово́рит о́тец Аслана́. — Она́ пра́ва. Так не дела́ется. Ника́х ну́жно заклю́-

чить сегодня.

Аслан молчит несколько секунд. Потом кивает.

— Хорошо, — говорит он. — Руслан, позови имама. Пусть приедет сейчас.

Мурат отходит в сторону, достаёт телефон, звонит отцу. Я вижу, как он объясняет ситуацию, как напрягается его лицо, как он сжимает губы. Потом он возвращается и говорит сквозь зубы:

— Отец не возражает.

Я понимаю, что у моей семьи больше нет выбора. Наше положение слишком шаткое, чтобы упрямиться и выдвигать свои условия.

Перевожу взгляд на Аслана, пытаюсь понять, что он думает, что чувствует в этот момент. Раньше я умела читать его мысли. Он позволял мне это, подсказывал своими глазами, едва заметной улыбкой, какими-то жестами и намёками. Я всегда знала, о чём он думает.

А сейчас он словно каменная стена. Непробиваемая, холодная, чужая. Лицо его абсолютно спокойное, в глазах ни единой эмоции. Он больше не позволяет мне того, что позволял раньше.

Но в отличие от него, у меня, наверное, сейчас всё написано на лице. Я не могу согласиться с тем, что происходит. Меня сжигает, буквально сжирает изнутри та несправедливость и подлость, которую мы сейчас совершаем по отношению к его Мадине. Я не могу так поступить с ней.

Я приоткрываю губы, чтобы возразить, но не успеваю произнести ни слова, как Аслан бросает на меня предупреждающий взгляд. Он словно говорит мне без слов, только попробуй, только посмей. И я замолкаю.

Отец Аслана обращается к своей дочери и племяннице:
— Отведите Зарину в комнату. Подготовьте её к никаху.

Обе девушки сопротивляются, шипят что-то недовольное, но не перечат старшему в доме. Самаира хватает меня за руку и тянет за собой по коридору. Двоюродная сестра идёт следом.

Они заводят меня в небольшую комнату и закрывают дверь.

И тут начинается.

— Какая же ты бессовестная, — шипит Самаира. — Ты разбила ему сердце пять лет назад. Он еле оправился от этого удара. А теперь снова появляешься и тянешь его на дно!

— Ты понимаешь, что портишь жизнь не только Аслану, но и Мадине? — добавляет двоюродная сестра. — Он должен был жениться на ней первым! А тебя вообще не должно было быть в его жизни! А теперь получается, что ты становишься королевой, первой женой, а та, которая действительно чистая и любит его, либо станет второй, либо откажется от свадьбы вообще!

Она бросает мне в руки платье. Пренебрежительно, нехотя.

— Переодевайся, — шипит она.

Я беру платье дрожащими руками. Они продолжают говорить, сыпать упрёками, но я уже не слышу слов. Только шум в ушах.

А потом Самира говорит что-то, что замораживает меня на месте.

— Вчера была с другим мужчиной, а сегодня под моего брата готова лечь. У тебя совсем нет гордости?! А ещё откуда нам знать, может ты подцепила какую-то болячку от того мужчины?

Я поднимаю на неё глаза.

— Мы всё слышали, — продолжает она. — Как мать кричала. Как говорила, что ты провела ночь с чужим мужчиной. Что ты запятнана.

Двоюродная сестра смотрит на меня с презрением.

— Мало того, что к тебе прикасался другой мужчина, так ты ещё и вся в синяках покрыта. Что он с тобой там делал? Бил тебя, что ли? И после всего этого мой брат должен взять тебя в жёны? Нет, я правда не понимаю, зачем Аслану бракованный товар?!

— Нет! — вырывается у меня. — Нет, это неправда! Он меня не трогал! Ничего не было!

— Откуда тогда все эти ссадины и синяки? — спрашивает Самира ядовито.

— Это когда меня пытались похитить! — говорю я, и голос мой дрожит от тех чудовищных воспоминаний и слов, что только что они сказали. — Меня насильно в машину тол-

кали, и я сопротивлялась, боролась как могла! Эти синяки не от греха, а от того, что меня тащили против воли.

Они смотрят на меня с недоверием.

— Ну да, конечно, — говорит двоюродная сестра. — Так мы тебе и поверили.

Они ещё немного меня мучают, говорят гадости, но потом всё-таки оставляют меня переодеться.

Я стою одна в этой комнате и пытаюсь дышать. Пытаюсь собрать себя по кусочкам.

Спустя время меня ведут обратно в гостиную. Там уже все собрались. Имам стоит в центре, рядом с ним мои братья и Руслан, как свидетели с обеих сторон.

Аслан стоит напротив меня, смотрит так пристально, что взгляд его будто прожигает меня насквозь. Я не понимаю, откуда в его глазах эта злость, ведь это он сам всё затеял, он инициатор того, что сейчас происходит.

Или, может быть, это не злость вовсе? Не ненависть, а что-то другое? Может, у него для меня осталось хоть что-то в глубине души, какие-то чувства из прошлого?

Но я тут же гоню от себя эту мысль. Нельзя обманываться пустыми надеждами. Аслан слишком гордый человек, чтобы простить ту пощёчину, которую моя семья нанесла ему пять лет назад. Меня он тоже никогда не простит. Для него я предательница. А предательство не то, что кавказский мужчина прощает.

Имам начинает читать молитву. Говорит слова, которые

связжут нас навсегда. Спрашивает согласие.

Я смотрю на Аслана, и он смотрит на меня. В этот миг мир будто обрывается. Исчезают голоса, стены, люди. Остаёмся только мы двое. Два человека, которые когда-то любили друг друга до боли. Которые мечтали, строили, верили. Которые были друг для друга домом. А потом потеряли всё. Разошлись, как расходятся берега после обвала, уже не способные снова сомкнуться.

Мы снова стоим друг напротив друга, но между нами теперь не любовь, а раны. Обиды. Невысказанные слова. Время, которое не лечит, а только углубляет трещины.

Он не отводит взгляд. Смотрит так, будто пытается прочесть меня изнутри. Понять, что сейчас происходит в моей голове. А там не мысли. Там гул. Хаос. Взрыв. Я сама не верю, что всё это реально.

Когда-то именно этого мы хотели. Быть рядом. Смотреть друг на друга без преград. Это была моя мечта. Его мечта.

Но сегодня реальность такова, что наш союз вынужденный для него. А я Я просто хватаюсь за маленькую надежду, что, возможно, смогу жить так, как раньше.

Мы даём свои согласия. Имам объявляет нас мужем и женой.

Всё.

Свершилось.

Я теперь жена Аслана Валиева.

Мужчины остаются договариваться о чём-то. Мать Асла-

на хватается за сердце, говорит, что ей плохо, и тетя Амира уводит её на кухню. А Самаира и Зарема нехотя, но уводят меня обратно в ту комнату, где я переодевалась.

— Здесь ты будешь спать, — бросает Самаира и уходит, хлопнув дверью.

Я остаюсь одна.

Сажусь на кровать и пытаюсь осознать, что только что произошло. Но мысли путаются, не складываются в единое целое.

Я жена. Я замужем. За Асланом.

Проходит время. Много времени. Дом постепенно затихает. Слышу, как закрываются двери, как затихают голоса.

Я сижу на кровати, как на иголках. Боюсь шевельнуться. Боюсь даже дышать.

Когда понимаю, что все разошлись спать, я ложусь на кровать, не раздеваясь. Едва успеваю закрыть глаза, как дверь распаивается.

Мать Аслана стоит на пороге. Лицо её искажено гневом.

— Что ты тут делаешь?! — бросает она с презрением в голосе.

Я вскакиваю с кровати и моё сердце начинает бешено колотиться.

— Раз ты заварила эту кашу, раз у вас настоящий брак, то и брачная ночь у вас будет настоящая! И жизнь у вас будет настоящая, как у мужа и жены!

Она бросает мне в руки что-то белое. Я смотрю вниз и

понимаю, что это белая сорочка. Та, что надевают в первую брачную ночь.

Нет. Нет-нет-нет.

— Одевай это и иди к своему мужу! — приказывает она.

Я не могу пошевелиться. Не могу вымолвить ни слова.

Страх парализует меня. Сердце бьётся так громко, что я слышу его в ушах. Голова кружится. В висках стучит.

Но я понимаю, что спорить бесполезно. Беру сорочку дрожащими руками и иду в ванную, которая примыкает к комнате.

Закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Дышу часто, неровно. Руки трясутся так сильно, что я едва могу растегнуть пуговицы на платье.

Я не верю, что это происходит. Не верю, что сейчас я пойду к Аслану. К мужчине, который стал моим мужем всего пару часов назад и предложу ему своё измученное тело.

Переодеваюсь. Надеваю эту белую сорочку. Смотрю на себя в зеркало и не узнаю отражения.

Выхожу из ванной в надежде, что его мать ушла. Но она всё ещё стоит там, ждёт меня.

— Иди, — говорит она холодно.

Я замираю. Не могу сдвинуться с места. Меня буквально трясёт от страха.

— Ну же! Иди давай! — повышает она голос.

Я делаю маленький шаг. Потом ещё один. Иду медленно, будто иду на казнь.

Тётя Фатима хватает меня за предплечье и тянет за собой по коридору. Я спотыкаюсь, пытаюсь идти быстрее, но ноги не слушаются.

Мы останавливаемся возле какой-то двери. Свекровь открывает её, и я вижу полутёмную комнату внутри.

А потом она толкает меня внутрь и захлопывает дверь за моей спиной...

Глава 8

В комнате царил полумрак. Плотные шторы были раздвинуты лишь наполовину, и холодный свет луны разрезал пространство, высвечивая острые углы дорогой мебели. Первое, на что упал мой взгляд — огромная кровать. В этой темноте она казалась алтарем, на котором меня принесут в жертву. Стыд обжег горло, мешая дышать. Я стояла, не смея шелохнуться, чувствуя себя загнанной в ловушку.

Аслана в комнате не было. Но тишину нарушал мерный шум воды, доносившийся из-за приоткрытой двери ванной. Тонкая полоска света на полу дрожала, давая понять, что он там.

Сердце пустилось вскачь. Я хотела уйти, пока все не зашло слишком далеко, избежать этого позора, и мой мозг лихорадочно искал спасения. Я сделала шаг назад к двери, схватилась за ручку, но замерла. Там, в коридоре, наверняка стоит его мать, и если я попытаюсь уйти, это создаст еще больше проблем. Они и так не устают напоминать о том, что моя семья посчитала их недостойными, и о том, что я бросила Аслана. Сейчас моя попытка избежать брачной ночи может восприняться так, словно мне Аслан противен, и тем самым я покажу свое неуважение к ним. А этого ни в коем случае нельзя допустить. Но если остаться...

Я не успела додумать. Шум воды стих.

Сердце сделало кульбит и застряло где-то в гортани. Через мгновение дверь ванной распахнулась, и полоска света превратилась в ослепляющий прямоугольник.

Аслан вышел в облаке пара.

Я задохнулась. На нем было только белоснежное полотенце, обернутое вокруг бедер. Вторым он небрежно вытирал мокрые волосы, но, заметив меня, резко замер. Широкие плечи, капли воды на смуглой коже, мускулы, перекатывающиеся под ней, будто живая скульптура в лунном свете.

Я никогда в жизни не видела обнажённого мужчину. Тем более так близко. Шок парализовал меня на несколько бесконечных секунд. Я не могла оторвать взгляд от этого тела, такого опасного, мужского, запретного. А потом меня прорвало. Я испуганно вскрикнула, резко развернулась и уставилась в темный угол комнаты, чувствуя, как лицо пылает огнем.

— Аллах-Аллах. Я... я... — мой голос сорвался на хрип.
— Меня... мама твоя... она заставила прийти...

Я обхватила себя руками, пытаюсь унять крупную дрожь, которая сотрясала всё тело. Адреналин бил в виски, пульс отдавался в ушах тяжелыми ударами.

— Она сказала... что я должна быть здесь, — пролепетала я, заикаясь. — Аслан, я не хотела... я...

Он ничего не ответил. Тишина в комнате стала такой тяжелой и давящей, что мне начало казаться, будто из нее выкачали весь воздух. Я не слышала самих шагов по мягкому

ворсу ковра, но кожей чувствовала его приближение.

Аслан остановился прямо за моей спиной. Я чувствовала исходящий от него жар и свежий запах геля для душа, смешанный с чем-то терпким, чисто мужским.

— Почему не хотела? — голос прозвучал у самого уха, низкий, спокойный, но с явным любопытством. — Разве я теперь не твой законный муж?

У меня мурашки побежали по всему телу от его близости, от того, что я чувствую его дыхание на своей коже. Это было совершенно незнакомое ощущение. Я не могла понять, нравится мне это или нет. Его близость заставляла сильно нервничать, и мои мысли не складывались, как и собственно слова, поэтому я решила отмолчаться.

— Отвечай мне, — приказал он.

— А-Аслан... не надо... — прошептала я.

— Посмотри на меня, Зарина! — его голос стал на тон ниже, в нем прорезался металл.

Я медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, повернулась, но глаза так и не смогла поднять. Он и не стал настаивать, видимо, ему это и не нужно было. Вот только он начал медленно наступать, тем самым заставляя меня отступать. Как только я оказалась прижатой спиной к двери, он поднял руку и убрал прядь волос с моего лица. А затем так холодно начал говорить обидные слова, что я почувствовала, как предательски защипало в носу.

— Думала, я наброюсь на тебя, как голодный зверь? — он

усмехнулся. — Что я настолько отчаялся, что забуду, где ты провела прошлую ночь?

Я еще крепче прижала руки к груди, инстинктивно съживаясь, словно могу спрятаться от его взгляда и оградить себя от этих жестоких, несправедливых слов.

— Не говори так. Я Аслан, клянусь, ничего не было...

— Замолчи, — оборвал он меня. — Твои клятвы теперь стоят не дороже пыли под моими ногами. Для меня ты навсегда останешься грязной. Запятнанной чужими руками, чужими взглядами, но Больше всего ты для меня предательница.

В глазах защипало, но внутри разгорелся огонь бессильной ярости. Я устала. Очень устала. Сил бороться не осталось, но и молча сносить унижения я больше не могла. Пусть я слаба и не имею права голоса, но молчать не буду. Даже если за это придется поплатиться.

— Если так ненавидишь, зачем женился на мне? Почему не позволил отцу меня убить? Или ты настолько опустился, что сделал это ради мести?

Он прищурился и подался вперед еще ближе.

— Никах заключили всего пару часов назад, а ты уже забыла своё место?! Будь осторожнее, Зарина, не испытывай моё терпение!

Я демонстративно отворачиваю от него лицо и молчу. Не хочу злить его еще больше. Всё равно мне с ним не справиться и уж точно не переубедить. А он продолжает смотреть на

меня, его дыхание касается моего лица и шеи, обжигая кожу. Это странное, непонятное ощущение. Возможно, в другой раз мне бы это понравилось, но не сейчас, когда он унижает и оскорбляет меня.

Мне кажется, мы стоим так целую вечность, но первой прервать молчание я не смею, иначе это может выглядеть так, будто я продолжаю спорить. К счастью, ему надоедает мое молчание, и он отходит. Ничего не говоря, скрывается в гардеробной, а через минуту выходит уже одетым в домашние штаны и футболку для сна.

Он подходит к кровати и ложится, оставляя меня стоять у двери в полной неизвестности. Но я же не могу простоять здесь всю ночь, наблюдая, как он спит. Мне нужна ясность. Нужно понять, где мое место.

— Я Мне уйти?

Я наконец набираюсь смелости и спрашиваю, когда он уже лег и, прикрыв глаза рукой, готовится спать.

Его губы плотно сжимаются. Я раздражаю его вопросами, но выбора у меня нет. Стоять здесь всю ночь я не могу. Но и выйти из комнаты без разрешения мужа нельзя. А тётя Фатима наверняка только этого и ждёт, караулит за дверью, чтобы поднять шум на весь дом.

Тишина затягивается, становится невыносимой. Он лежит неподвижно, рука всё ещё прикрывает его глаза, и я уже начинаю думать, что он вообще не удостоит меня ответом. Но потом он резко убирает руку и садится на кровати. Движе-

ние быстрое, хищное. Он смотрит на меня, и в полумраке его глаза кажутся почти чёрными. Опасными.

— Ложись здесь, — говорит он низким голосом, кивая на кровать. — Я посплю на диване.

Я замираю, не понимая ничего, а тем временем он встаёт.

— Но... — начинаю я.

Он делает шаг ко мне, и я инстинктивно прижимаюсь спиной к двери.

— Если не хочешь спать на кровати, можешь лечь на диван, — произносит он холодно. — Или можешь выйти за порог комнаты и начинать объяснять моей матери, почему отказываешься от брачной постели мужа.

Глава 9.

Грохот в дверь разорвал тишину, за окном ещё царил предрассветный полумрак. Я вскочил с дивана мгновенно, даже не успев осознать причину. Тело, привыкшее к опасности, среагировало само, раньше мозга. Стук был тяжёлым, требовательным. Так громко и бесцеремонно стучат, только когда дело серьёзное.

Я быстро глянул на кровать. Зарина даже не шевельнулась — видимо, изнурение и слезы выпили из нее все силы, провалив в тяжелый, болезненный сон.

Резко дёрнул ручку. На пороге стоял младший брат, Руслан. Скулы напряжены, челюсти плотно сжаты, взгляд тяжёлый даже в предрассветных сумерках.

— У ворот, — коротко бросил он, понизив голос, чтобы не разбудить дом. — Заур. Пригнал машин пять, встали полукругом, перекрыли выезд. Ведут себя как псы, сорвавшиеся с цепи: сигналият, орут, требуют, чтобы ты вышел. Кричат, что приехали забрать своё.

Я киваю.

Руслан отходит, и я закрываю дверь, возвращаясь в комнату. Быстро снимаю домашнюю одежду и достаю из шкафа чёрные джинсы и рубашку. Одеваюсь молча, автоматически, мысли уже работают на опережение.

Открываю верхний ящик комода и достаю пистолет. Про-

веряю магазин, досылаю патрон в патронник. Привычные движения, отточенные до автоматизма. Прячу оружие за поясом под рубашкой.

Перед тем как выйти, бросаю взгляд на кровать.

Зарина спала, свернувшись калачиком, подтянув колени к груди. В этом слабом свете, когда луна уже ушла, а солнце еще не встало, она казалась совсем маленькой. Тонкая шея, растрепанные черные волосы... На мгновение в груди что-то предательски дрогнуло. Несмотря на пять лет разлуки, несмотря на всю ту грязь, что лили мне в уши сестры, и те следы на ее коже... она выглядела такой же чистой и беззащитной, как в тот день, когда я впервые её увидел.

И мне хочется защитить её от всех и не позволить никому и никогда больше на неё смотреть.

Чёрт.

Я отворачиваюсь и выхожу из комнаты, запирая дверь за собой. Нельзя думать об этом сейчас. Нельзя позволять этим чувствам выходить на поверхность. Они остались в прошлом, и там им и место.

Спускаясь по лестнице, я ловлю себя на мысли, что, в общем-то, это хорошо. Очень хорошо.

Руки чесались последние сутки. Я думал, как найти этого Заура, как подобраться к нему, как наказать за то, что он посмел сделать. Планировал, прикидывал варианты.

А он сам пришёл к моим воротам. Сам явился на мою территорию.

Отличная возможность.

Но есть одно "но", которое не даёт мне полностью насладиться ситуацией.

Всё это будет происходить здесь. На моей земле. Рядом с моим домом, где спят моя мать, сестра и теперь уже ещё жена.

И если что-то пойдёт не так, если этот придурок решит устроить здесь разборку, пострадать могут не только мы с ним.

И это единственное, что меня беспокоит в данной ситуации.

Внизу уже собрались мои люди. Руслан, охранники. Все вооружены, напряжены, готовы действовать по первому слову.

Отец стоит чуть поодаль. Без оружия. Руки свободно опущены вдоль тела, спина прямая, взгляд тяжёлый и спокойный. Ему не нужен пистолет, чтобы показать свою силу. Его присутствие здесь само по себе говорит о многом. Он глава семьи Валиевых, и одного его слова достаточно, чтобы остановить или начать войну.

Он смотрит на меня долгим взглядом.

— Знаешь, зачем он пришёл? — спрашивает он.

— Догадываюсь, — отвечаю я коротко. — За Зариной.

Отец кивает.

— Тогда будь осторожен. Этот Заур не из тех, кто просто так отступит. Если он пришёл сюда с людьми, значит, готов

идти до конца.

Я смотрю ему в глаза.

— Я тоже.

Отец молчит несколько секунд, потом кладёт мне руку на плечо.

— Иди, но помни, где ты находишься. Это наш дом, здесь женщины, и не позволяй ему превратить это место в бойню.

Я киваю и направляюсь к выходу.

У ворот действительно стоят машины. Пять внедорожников, все чёрные, все с тонированными стёклами. Возле них человек пятнадцать, может больше. Все в тёмной одежде, все с напряжёнными лицами.

И посередине стоит он. Заур Бештоев.

Высокий, широкоплечий, с грубыми чертами лица. Взгляд тяжёлый, самоуверенный. Он смотрит на меня, и в его глазах читается вызов.

Я останавливаюсь в нескольких метрах от ворот. Мои люди выстраиваются за моей спиной.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. Оцениваем. Взвешиваем.

Потом Заур делает шаг вперёд.

— Валиев, — говорит он, и голос его звучит хрипло, с явной угрозой. — Ты взял то, что принадлежит мне.

Я усмехаюсь.

— Зарина никогда тебе не принадлежала, Бештоев. И не будет принадлежать.

Его лицо темнеет.

— Она провела ночь под моей крышей. По нашим законам она моя.

— По нашим законам, — говорю я спокойно, — она моя жена. Мы заключили никах вчера вечером. При свидетелях, с согласия её семьи. Так что твои притязания больше ничего не значат.

Заур сжимает кулаки. Я вижу, как напрягаются его люди, как руки тянутся к оружию.

Мои тоже готовы.

Ситуация балансирует на грани.

Глава 10.

Заур сделал резкий шаг вперёд, и его рука молниеносно метнулась под куртку, туда, где обычно носят оружие. Но я среагировал быстрее. Не успел он коснуться рукояти, как металл моего пистолета уже привычно охлаждал ладонь, а ствол смотрел точно ему в переносицу.

В тот же миг мои люди отреагировали на угрозу. Со всех сторон вскинули оружие, защёлкали затворы, и теперь на Заура и его людей смотрели десятки стволов.

Воздух между нами накалился до предела. Казалось, ещё мгновение, и он вспыхнет от этого электричества, что повисло в пространстве между двумя вооружёнными группами.

— Сделай еще один шаг, Бештоев, и я посмотрю, как ты будешь забирать её, захлебываясь собственной кровью в грязи под моими ногами. Ты пришел за чужой женой, но найдешь здесь только свою смерть. Рискни, если готов сдохнуть как пес у моих ворот.

Заур оскалился, его рука дёрнулась под курткой, пытаюсь всё-таки достать оружие, как вдруг предрассветную тишину разорвал визг шин. Со стороны главной дороги, поднимая столбы пыли, неслась колонна машин. Их было много, длинная вереница чёрных внедорожников. Они влетели в пространство перед нашими воротами, беря людей Заура в кольцо.

Мы оба замерли. Я не опустил ствол, продолжая держать Заура на мушке, а он застыл с рукой под курткой, не решаясь завершить начатое. Двери машин распахнулись почти одновременно. Из центрального авто вышел высокий, седой мужчина с выправкой старого льва. Рашид. Отец Зарины. Следом за ним выгрузились мужчины его рода и охранники, все до единого вооружённые и готовые к бою.

Люди Заура напряглись, но никто не посмел открыть огонь первым. Наступила тяжёлая, давящая тишина. Но дело было не в том, что против Заура теперь вдвое больше людей. Всё дело было в человеке, который вышел из машины следом за Рашидом.

Рядом с отцом Зарины стоял почтенный эфенди в белой тюбетейке. Тот самый, что вчера вечером читал нам молитву и заключал никах. В руках он держал тяжёлую книгу в кожаном переплёте, потёртую от времени и явно очень старую.

Рашид прошёл сквозь толпу вооружённых людей, даже не взглянув на направленные в его сторону стволы. Уверенно, спокойно, словно гулял по собственному двору. Он подошёл к нам. Сначала посмотрел на меня, взгляд тяжёлый и оценивающий, затем медленно перевёл его на Бештоева.

— Одно неверное движение, Бештоев, и ты не доживёшь до рассвета, — голос тестя рокотал, как обвал в горах. — Убери руку. Медленно.

Заур замер, затем медленно, с явной неохотой, вытащил пустую руку из-под куртки и опустил вдоль тела.

— Рашид, — прорычал он, — твоя дочь была у меня... — начал он, но эфенди сделал шаг вперед, перебивая его.

— Остановись, сын мой, — произнёс эфенди, и голос его, хоть и тихий, прозвучал так, что все замерли. Он раскрыл книгу и поднял её так, чтобы все видели старинные страницы. — Вчера вечером, по воле Всевышнего, с благословения Аллаха и с полного согласия отца невесты, был заключён законный никах.

Он повёл рукой по странице, показывая записи.

— Перед лицом свидетелей, по всем законам шариата, Зарина, дочь Рашида, стала женой Аслана Валиева. Имена записаны здесь, в книге, которую я веду тридцать лет. Договор скреплён молитвой. Печать поставлена. Свидетели подписались.

Отец Зарины шагнул к Зауру вплотную, так что их лица оказались в паре сантиметров друг от друга.

— Моя дочь сегодня ночью официально вошла в дом Валиевых как законная жена, — чеканя каждое слово, произнес Рашид. — Если ты, зная это, решишь пойти на преступление и покуситься на честь чужой жены...

Тесть сделал паузу, и я увидел, как у Заура на виске запульсировала жилка.

— То знай одно. Это уже будет не просто похищение замужней женщины. Это будет преступление против самого Всевышнего. Позор, который не смоем никакая кровь. Клеймо, которое выжжет твоё имя навсегда.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Ни ты, ни твой отец, ни твои братья не смогут смыть этот грех. Ни твоя семья, ни весь твой род до седьмого поколения не отмоются от позора. Люди будут показывать на тебя и говорить, что ты пошёл против закона Аллаха ради своей похоти!

Эфенди продолжил.

— Старейшины отвернутся от твоей семьи. Никто не выдаст за вас дочерей. Никто не захочет породниться с вашим родом. Вы станете изгоями. Приличные люди будут обходить вас стороной, потому что ты осквернил святость никаха. Посягнул на чужую жену. Плюнул в лицо законам Всевышнего. Ты этого хочешь? Хочешь, чтобы твоё имя стало проклятием для твоего рода?

В воздухе повисла такая тишина, что было слышно, как остывают двигатели машин. Это был приговор. Заур стоял, тяжело дыша, его лицо пошло пятнами. Его люди начали переглядываться, их пыл угас — воевать с Валиевыми они были готовы, но становиться изгоями ради амбиций Заура не хотел никто.

Заур стоял неподвижно, и я видел, как в его глазах гаснет огонь безумия, уступая место холодному страху. Он был диким зверем, но даже звери чувят край пропасти. Стать изгоем, подставить под удар весь свой род — это была цена, которую он не мог заплатить.

Он медленно обернулся к своим людям и едва заметно

кивнул. Те, не дожидаясь второго знака, начали быстро расходиться по машинам. Напряжение, которое звенело в воздухе, начало спадать.

Но прежде чем уйти, Заур сделал шаг ко мне. Его люди уже заводили моторы, и под этот гул он придвинулся почти вплотную и прошипел он так тихо, чтобы слышал только я.

— Никах можно расторгнуть, — произнёс он и сделал паузу.

Потом его губы исказила ухмылка, полная скрытой угрозы.

— Например, она может слишком рано овдоветь. В наших краях это плёвое дело. Она всё равно будет моей, Аслан. Я найду способ добраться до неё, даже если мне придётся перешагнуть через твой труп.

Я не остался в долгу. Сократил расстояние между нами до минимума, нависая над ним всем телом.

— Слушай меня, Бештоев, — процедил ему в лицо. — Способы ищут слабаки. А мужчины берут своё и держат крепко. Пока я дышу, Зарина для тебя недосягаема. А если дернешься сделать ее вдовой... клянусь, ты в ад отправишься раньше, чем я успею упасть.

Я замолчал, давая ему возможность осознать каждое слово.

— А теперь убирайся с моей земли. И не оборачивайся. Здесь тебе больше не на что смотреть.

Через минуту двор огласил рев уходящих машин. Пыль

медленно оседала на асфальт, а в воздухе повисла звенящая тишина. Я стоял на месте, кожей чувствуя, как все взгляды прикованы ко мне. Это внимание вызывало лишь глухое раздражение.

Небо на востоке начало светлеть, окрашиваясь в мутный рассветный цвет. Я не стал ни на кого смотреть, просто поднял голову и бросил взгляд на окно своей спальни.

Первый луч, еще слабый и холодный, ударил прямо в стекло. Тонкая занавеска на мгновение стала почти прозрачной, высветив тонкий, хрупкий силуэт. Она стояла там, неподвижно, прижав ладонь к стеклу.

Зарина.

Глава 11.

Двор медленно пустел. Гул двигателей внедорожников Рашида затихал где-то за пределами ворот, оставляя после себя лишь оседающую пыль и звенящую, давящую тишину. Я еще пару минут стоял на месте, не выпуская рукоять пистолета. Внутри всё еще гудел адреналин, перемешанный с дикой, свинцовой усталостью.

— Идем в дом, — я бросил короткий взгляд на Руслана.
— Надо заканчивать этот цирк.

Брат молча кивнул, выглядел не лучше меня. Взъерошенный, злой, измотанный. Мы перешли порог, надеясь просто доползти до своих комнат, но дом встретил нас так, что стало ясно сразу. Расслабиться нам не дадут.

Мать ждала нас прямо в холле. Она была бледной, с темными тенями под глазами. Сразу было видно, что она не присела ни на минуту, пока нас не было. Стоило нам войти, как она метнулась навстречу.

Её руки, холодные и дрожащие, начали лихорадочно ощупывать мои плечи, грудь, руки. Она торопливо осматривала куртку Руслана, проверяя, нет ли где крови, не разорвана ли ткань. Её дыхание было прерывистым, судорожным.

— Живы. Слава Аллаху, живы, — выдохнула она, и на долю секунды её лицо смягчилось. Но это облегчение тут же сменилось гневом. Она отступила, глядя на нас с тяжелым

укором. — Вы хоть понимаете, что вы творите? Вы понимаете, что я могла вас больше не увидеть из-за этой этой девчонки?

— Мам, всё нормально. Никто не пострадал, — я попытался пройти мимо, но она преградила мне путь.

— Нормально?! Аслан, меньше суток как она твоя жена, а она уже принесла в наш дом беду! Вы подставили свои головы под пули ради той, кто не стоит и волоса на вашей голове!

Она замолчала на мгновение, переводя дыхание, но гнев в её глазах так и не утих.

— И этот Бештоев не успокоится, пока не заберёт её. Он всё время будет представлять опасность вашим жизням! Я не могу принять это! Каждый день думать о том, что кто-то из моих детей может не вернуться домой вечером... Я не смогу так жить! Аслан, пойми же, вы будете ходить под прицелом, пока она дышит в нашем доме! Она проклятие! Рано или поздно из-за её нечистоты я лишусь сыновей!

— Фатима, тише, — из коридора вышел отец, мягко кладя руку ей на плечо. Его голос был спокойным, но твёрдым. — Дело решено. Зарина отныне наша. И мы все будем защищать её так же, как и всех остальных членов семьи.

— Решено?! — она повернулась к отцу, её начало трясти. — Ты называешь решением то, что наши дети теперь вынуждены каждый день рисковать жизнью? То, что они станут мишенями из-за этой девчонки?

Она снова впиалась в меня взглядом.

— Послушай меня, Аслан, сын мой. Ты её защитил, честь её и её семьи спасена. Ты поступил как достойный мужчина, никто не скажет тебе плохого слова. Но не вздумай оставлять её в этом доме навсегда. Подержи месяц, пусть люди видят, что ты исполнил долг. А потом дай ей развод.

Она придвинулась ближе, понизив голос.

— Разведённую женщину общество примет, её никто не тронет, не посмеет даже взгляд бросить дурной. Она будет чистой перед законом и людьми. А ты возьмёшь Мадину, как договаривались наши семьи. Она из хорошего рода, чистая девушка, воспитанная как надо. От неё пойдут крепкие дети, продолжатели нашего имени. Никто никогда не бросит тень на мать твоих сыновей.

Её пальцы сжали моё запястье.

— А с этой... ты же сам понимаешь, Аслан. Зачем плодить детей от такой? Разведись, пока ещё не поздно, пока Аллах даёт тебе выход. Подумай о Мадине. Она принесёт в твой дом мир и благословение. А эта... эта принесёт только кровь и беду.

Я слушал её, и внутри у меня всё переворачивалось от холодного бешенства. Мысль о том, чтобы использовать Зарину как временную игрушку, а потом выбросить, вызывала у меня тошноту. Да, она задела мою гордость, да, между нами было много дерьма, но я знал, кто я такой. И опуститься до того, что предлагала мать, значило перестать быть мужчиной в собственных глазах.

Я сделал шаг вперед, вторгаясь в её личное пространство. Мать невольно замолчала, наткнувшись на мой взгляд.

— Мама, скажу один раз и больше не заставляй меня повторять. Зарина моя жена. И она останется в этом доме столько, сколько я посчитаю нужным.

Я сделал паузу, чеканя каждое слово:

— Я не мальчик, чтобы выслушивать советы о том, кого мне держать в своей постели, а кого выставлять за дверь. Больше я не хочу слышать в этом доме ни слова о её «нечистоте». Тема закрыта.

Мать открыла было рот, её губы дрогнули, она явно хотела что-то возразить, но я надавил взглядом так, что она осеклась.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд и медленно поднял голову. На втором этаже, вцепившись в перила, стояла Зарина. Она была уже одета. Видимо, наспех накинула первое, что попало под руку. Волосы растрепаны, лицо бледное. Стояла неуверенно, словно не знала, уйти ей или остаться, и было видно, что она слышала каждое слово этого разговора. В доме повисла тяжёлая тишина.

Мать проследила за моим взглядом. Увидев Зарину, она еще больше вскипела и обернулась к отцу:

— Ибрагим! Скажи хоть ты что-нибудь! Я что, разве не права?!

— Фатима, успокойся наконец! — жестко отрезал отец, его голос придавил её к месту. — Сын сказал свое слово.

Хватит.

Мать дернулась, её лицо перекосило от обиды и злости. Она не могла принять, что мужчины семьи встали на сторону «чужачки».

— Хорошо! — выплюнула она. — Пусть будет по-вашему! Но раз она теперь полноправный член семьи и всё у нас по правилам Тогда я хочу увидеть простыню! Имею я право убедиться в её чести или нет?!

В этот момент в холл вошли мои сёстры. Мать, не теряя секунды, указала им на лестницу.

— Идите и принесите мне простыню из их комнаты!

Девочки охотно принялись исполнять приказ моей матери, но я быстро привёл их в чувство.

— Только попробуйте сделать хоть шаг в сторону моей спальни, — мой голос пророкотал так громко, что девчонки замерли на месте, боясь дышать.

Я повернулся к матери.

— Не волнуйся за честь моей жены. Она вошла в мой дом, в мою спальню чистой. Тебе нечего там искать.

— Я буду только рада, если это правда! — не унималась мать. — Но я имею право лично удостовериться в том, что моя невестка была девственницей!

— Значит, моё слово в этом доме больше ничего не значит? — мой голос, ставший пугающе спокойным, заставил всех присутствующих замереть. — Я сказал, что она досталась мне чистой несмотря на произошедшее. Я подтвердил

её честь своим словом. Разве этого недостаточно, мама? Или ты думаешь, что твой сын стал бы покрывать ложь своим именем?

Я замолчал на секунду, глядя на неё в упор, и мой голос стал еще ниже, почти вибрируя от сдерживаемой ярости:

— Сомневаться в её чистоте сейчас — значит сомневаться во мне. Ты хочешь выставить меня лжецом перед всем родом?

— Мам, ну правда, успокойся уже, — подал голос Руслан, видя, что я на пределе. В этот момент зашла тетя, и Руслан тут же обернулся к ней.

— Тетя, пожалуйста, уведите её. Дайте ей успокоительное или что-то еще, иначе мы тут все с ума сойдем.

Пока тетя уводила протестующую мать, я начал подниматься по лестнице. Зарина всё еще стояла там, не в силах шевельнуться. Я подошел вплотную, перехватил её ледяную, дрожащую руку и, не говоря ни слова, завел в комнату, плотно закрыв за нами дверь.

Глава 12.

Дверь спальни захлопнулась, отсекая нас от враждебного мира внизу. Ощущение было такое, будто я попала из огня в ледяную воду. Аслан выпустил мою руку так резко, что я едва не качнулась назад. Я стояла у двери, прижав ладони к груди, и боялась даже дышать громко.

Он выглядел измотанным. Аслан с силой протер лицо, зарываясь пальцами в свои густые волосы, и я увидела, как напряжены его плечи. Тишина в комнате давила на уши.

— Слышала, что я сказал внизу? — он обернулся ко мне. Взгляд был колючим, холодным. — Я защитил твое имя перед своей семьей. Перед отцом и матерью. Теперь, что бы ни случилось, ты будешь говорить то же самое. Мое слово — закон. Только попробуй дать хоть один повод усомниться в моих словах Позорить себя я не позволю.

Я сглотнула ком в горле. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, оно выпрыгнет из груди. Я обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь.

— Я поняла, Аслан. Я тебя не подведу, — мой голос дрожал, но я заставила себя смотреть ему в глаза. — Но я хочу, чтобы ты знал то, что ты говорил им про мою честь это правда. Чистая правда.

Я почувствовала, как к щекам прилил жар. Мне было невыносимо неловко говорить об этом, но я не могла до-

пустить, чтобы он считал меня той, кем называла его мать. Аслан усмехнулся — горько, недоверчиво.

— Правда? — он сделал шаг ко мне, и я невольно вжалась в дверь. — Знать наверняка я не могу, Зарина. И, честно говоря, сейчас мне даже не до этого. Главное, чтобы никто не посмел усомниться в моих словах о твоей невинности, поняла меня?!

Он замолчал на секунду, и его лицо стало еще более суровым.

— И запомни еще кое-что. То, что я принял твою сторону внизу, не значит, что тебе всё позволено. Моя мать — это моя мать. Я не потерплю от тебя ни капли неуважения в её адрес. Ты будешь подчиняться ей и делать всё, что положено невестке в этом доме. Ты будешь молчать и слушаться. Я ясно выразился?

— Да, — прошептала я, опуская голову.

— Приведи себя в порядок. Я в душ, а потом спустимся на завтрак.

Он скрылся в ванной, и вскоре послышался шум воды. Я осталась стоять одна в этой огромной, чужой комнате. В тишине мой мозг начал быстро прокручивать то, что произошло минутами ранее. Каждое слово его матери о том, чтобы он развёлся со мной через время, о том, что я грязная, абсолютно ясно давало понять, что она никогда не сможет меня принять. Это причиняло боль, ведь когда-то она смотрела на меня с любовью, относилась бережно, как любая жен-

щина может относиться к маленькой девочке, а сейчас она меня ненавидит. Считает недостойной того, чтобы я родила ей внуков. Брезгует мной. Это правда очень больно, но всё же я, наверное, смогла бы со временем привыкнуть к её отношению.

Но её слова о Мадине, впились в самое сердце, оставляя кровоточащую рану, от которой не было спасения. Я ловила себя на том, что внутри всё закипает и рушится, едва речь заходила об этой женщине. Это была ревность — жгучая, первобытная, от которой перехватывало дыхание. Я могла смириться со многим, но мысль о том, что Аслан впустит в свою жизнь другую, что он коснется её, посмотрит на неё так, как когда-то смотрел на меня, и всё это будет происходить на моих глазах... Это было выше моих сил.

Моё «я» бунтовало, захлебываясь от несправедливости. Несмотря на то что когда-то я его отвергла, он всегда занимал моё сердце — до самого последнего, потаенного уголка. И теперь осознание того, что он приведет её в этот же дом, назовет женой и, в отличие от меня, будет искренне любить и делить с ней ложе, ощущалось как медленная и мучительная смерть.

Слова Аслана о том, что мне нужно привести себя в порядок перед завтраком, вывели меня из оцепенения. Я понимала, что не могу выйти к его семье в этой измятой одежде, поэтому, пока он был в душе, я поспешила за своими вещами. Сумки с моими вещами оказались безумно тяжелыми. Когда

их привезли, мне помогали братья и люди Аслана, но сейчас я тащила их сама, надрываясь от каждого шага. Я знала, что в доме есть прислуга, но после всего, что произошло в холле, я боялась встретить даже случайный взгляд. Мне не хотелось никого просить, не хотелось лишний раз напоминать о своем присутствии тем, кто меня презирает.

Кое-как, едва удерживая тяжелые ручки, которые больно врезались в ладони, я затащила вещи в комнату Аслана. Я пыталась дотянуть самую тяжелую сумку в сторону шкафа, из последних сил преодолевая сопротивление ворсистого ковра, как вдруг в этот самый момент дверь ванной с шумом распахнулась.

Аслан вышел, обмотав полотенце вокруг бедер. Капли воды блестели на его широких плечах, и я замерла, не зная, куда деть взгляд.

— Ты что творишь? — грубо и раздражённо спросил.

Я вздрогнула и выронила ручки сумки, которые с глухим стуком упали на ворсистый ковер. Краска стыда мгновенно залила лицо, и я, едва придя в себя, поспешно опустила взгляд в пол, не в силах смотреть на его обнаженное тело.

— Я я просто хотела достать платье, — заикаясь и едва подбирая слова, пролепетала я, пятясь назад, пока не уперлась спиной в холодную дверцу шкафа. — Мне нужно было переодеться, а сумки нужно было перенести вещи

— Совсем головы нет? — он в два шага оказался рядом, нависая надо мной так, что я невольно вжала голову в плечи.

— В этом доме есть слуги. В конце концов, я в десяти шагах от тебя! Ты женщина, а не ломовая лошадь. Может, у вас в семье и было принято, чтобы женщины таскали тяжести, но у нас такие порядки не пройдут. Запомни, в моем доме женщина остаётся женщиной, а мужчина мужчиной. И пока я жив, жена Аслана Валиева надрывать с мешками не будет. Поняла меня?

Я ничего не ответила. Властность тона, с которым он разговаривал со мной, была чуждой для меня. Контраст того, как он говорит сейчас со мной и как он говорил в прошлом, был огромен. И я сопротивлялась его новому обращению со мной.

— Поняла меня? — повторил он, делая ещё полшага вперёд, не дождавшись от меня ответа.

— Да, — едва слышно прошептала я, еще сильнее вжимаясь в дверцу шкафа.

Я старалась дышать через раз, лишь бы не вдыхать исходящий от него аромат, смесь ледяной воды и терпкого, чисто мужского запаха. Для меня эта близость была почти невыносимой, пугающей. Я никогда не видела полуголого мужчины, да ещё так близко, никогда не чувствовала этот жар, исходящий от чужого тела. Мне казалось это чем-то греховным, запретным.

Аслан не уходил. Он продолжал нависать надо мной, преграждая путь, и тишина между нами стала слишком густой, тягучей.

— Аслан... — тихо, почти жалобно попросила я, не поднимая глаз. — Отойди, пожалуйста...

Я видела краем глаза, как он усмехнулся.

— Почему? — в его голосе промелькнула опасная, дразнящая нотка. — Тебе что-то не нравится, Зарина? Мое присутствие тебя оскорбляет?

— Нет, — я окончательно смутилась, чувствуя, как лицо горит огнем. — Просто... мы же опаздываем. Нужно переодеться. Т-твоя мама, в-все нас будут ждать

Вместо того чтобы отойти, он протянул руку и, подцепив пальцами мой подбородок, заставил меня поднять голову. Он заглянул мне в глаза своим темным, нечитаемым взглядом.

— Опаздываем? — Аслан усмехнулся, но взгляд его остался тяжелым и пронизывающим. Он не отошел, наоборот — наклонился к самому моему уху, так что я почувствовала жар его кожи. — Правильно. Иди, приводи себя в порядок. Моя семья не должна ждать.

Он на секунду замолчал, и его рука медленно скользнула от моего подборотка к шее, едва касаясь кожи кончиками пальцев.

— Но запомни, Зарина Прощлая ночь была исключением. Я дал тебе время прийти в себя и не тронул тебя только потому, что ты едва держалась на ногах. Но не надейся, что так будет всегда. Как только твои раны заживут и ты восстановишься — я возьму то, что принадлежит мне по праву. Ты

моя жена, и ты будешь исполнять свой долг. Надеюсь, к тому времени ты научишься хотя бы не дрожать от моего присутствия.

Он отпустил меня так же внезапно, как и прижал к шкафу, и, не оборачиваясь, направился в гардеробную. А я так и осталась стоять, прижав ладони к пылающим щекам, чувствуя, как внутри всё завязывается в тугой узел от его прямолинейности.

Глава 13.

Аслан

Рабочий день не задался с самого утра. Цифры в отчетах расплывались перед глазами, строчки путались, и я ловил себя на том, что перечитываю одну и ту же страницу в третий раз, не понимая ни слова.

Параллельно телефон разрывался от звонков. Поставщики, подрядчики, партнёры. Каждый тянул своё одеяло, каждый требовал внимания, решений, денег. Голова раскалывалась, а терпение таяло с каждой минутой.

Когда позвонил очередной поставщик и начал оправдываться, почему задерживается отгрузка, я почувствовал, как внутри что-то лопнуло.

— Я сказал к пятнице, — оборвал я его на полуслове, сжимая телефон с силой. — Не будет товара к пятнице, не будет и оплаты. Всё.

Сбросил вызов и с силой зажмурился, сдавливая переносицу пальцами. В висках стучало, будто кто-то методично бил молотком изнутри. Я попытался сосредоточиться на документах, но перед глазами стояла только она.

Зарина.

Испуганная, бледная, забившаяся в угол у шкафа, как загнанный зверёк. Её дрожащий голос, когда она пыталась что-то объяснить. Этот взгляд, полный непонимания и боли, пе-

рекрывали мне кислород.

Я злился на неё. Злился за то, что она смотрела на меня как на чужака, как на того, кого нужно бояться. Злился, что в её глазах больше не было того тепла, которое когда-то согревало меня одним взглядом. Пять лет назад, её глаза светились, когда она видела меня. Зарина улыбалась мне так, будто я был центром её вселенной. А сейчас там был только страх, растерянность и какое-то болезненное непонимание того, чего она хочет.

Когда Азамат озвучил зачем он пришёл ко мне, моя гордость, злость на них в моменте затмили всё остальное. Но когда я увидел её, униженную, избитую, но всё же не сломленную вопреки всему, внутри всё взбунтовалось против моего отказа.

Я всегда помнил о ней, ненавидел, злился, но каждую ночь перед глазами вставал её образ. Свои чувства прятал, душил, но так и не смог забыть её. И когда появился этот один единственный шанс из миллиарда заполучить её, я, конечно, не мог не воспользоваться им. Я эгоистично захотел её себе, несмотря на то, что отныне она будет с пятном в нашем обществе.

И теперь мне всё равно на то что она давно отказалась от меня, что больше не любит. Главное, она моя! И я, чёрт возьми, возьму всё, что она, как моя женщина и законная жена, должна мне дать. Всё без остатка.

Я понимал, насколько это низко. Эти мысли вызывали от-

вращение к самому себе. Но я был готов жить с этим отвращением, с этой горечью, если она будет рядом.

Я желал её не меньше, чем пять лет назад. Может, даже сильнее, потому что теперь к желанию примешивалась жажда обладания, собственничество, которое разъедало изнутри. И этого тёмного, больного желания, как бы страшно это ни звучало, будет достаточно для фундамента нашего брака. По крайней мере, для начала. По крайней мере, для меня.

А дальше... Дальше посмотрим. Может быть, со временем она отгадает. Может быть, я смогу снова увидеть в её глазах тот свет, который когда-то грел меня. Или, может быть, мы так и проживём в этом холодном противостоянии, связанные браком, но чужие друг другу.

Дверь кабинета открылась без стука. Я даже не поднял головы, уже зная, кто это. Только Руслан мог позволить себе заходить без предупреждения.

— Твой помощник кажется стал заикаться, — Руслан прошёл к креслу и сел, закинув ногу на ногу. — Что с тобой происходит?

— Просто тяжелое утро, — коротко бросил я.

— Только это? — Руслан прищурился, в его голосе проскользнула ирония. — С Зариной не ладится?

Я откинулся на спинку кресла и с раздражением бросил папку на стол. Руслан молча ждал, и это его спокойствие тоже бесило.

— Злит она меня, Руслан, — процедил я сквозь зубы, не

глядя на брата. — Я ради неё наперекор матери пошел, имя её из грязи вытащил, в свой дом привел. А она?

Я замолчал, подбирая слова.

— Она дрожит каждый раз, когда я оказываюсь рядом. Шарахается от меня, словно я один из тех псов, что её похитили. А я её муж, я единственная её защита в этом мире, но она всё равно воспринимает меня как чуака.

Руслан усмехнулся, но в глазах его было сочувствие.

— А чего ты ждал? — Руслан подался вперед, сцепив пальцы в замок. — Девчонка за пару дней прошла через ад. У неё в голове сейчас не мысли, а ядерные взрывы один за другим. Она не знает, откуда ждать следующего удара, а тут еще и ты — со своей «защитой». Она не знает что думать, не знает о твоих истинных намерениях.

Он выдержал паузу, давая мне переварить его слова.

— Я не мастер в любовных делах, брат, сам знаешь. Но давай по фактам. Вы ведь не просто расстались пять лет назад — там была рана, которую ты до сих пор бредишь. Ты не сюсюкаешься с ней, чтобы она расслабилась, ты требуешь подчинения. Ей нелегко это всё принять, учитывая то как ты раньше трепетно к ней относился. А тут ещё мать масла в огонь подливает... Я не удивлен её реакции. На её месте любой бы шарахался.

— К чему ты клонишь? — я смерил его тяжелым взглядом.

— К тому, что и ей, и тебе нужно время. Не дави на неё,

и сам остынь. Самое сложное позади, но впереди ещё много проблем. Этот мерзавец Заур будет копать под тобой, будет из кожи вон лезть, чтобы взять реванш.

Руслан замолчал на мгновение, и его лицо стало еще серьезнее.

— Но это не всё. Что ты будешь делать с Мадиной и её семьей? Очень скоро до них дойдут слухи о твоей внезапной женитьбе. Тебе придется нести ответ перед ними. Мадина — это не просто девушка, это интересы двух родов. Её отец не из тех, кто проглатывает оскорбления.

Только Руслан произнёс это, как тишину кабинета разрезала резкая мелодия моего телефона. Я бросил взгляд на экран, и челюсть сама сжалась. На дисплее высветилось имя, которое я меньше всего хотел видеть сейчас.

Я поднял взгляд на Руслана.

— Ну вот, накаркал, — выдохнул я, показывая ему экран. На дисплее светилось: Амир Гаджиев.

Отец Мадины.

Глава 14.

Этот день казался бесконечным. Стены огромного дома Аслана давили на меня, лишая воздуха. Я пыталась быть полезной, пыталась заговорить с его сестрами и тётушкой, но они игнорировали и проходили мимо, словно я была прозрачной тенью. Лишь отец Аслана, когда мы столкнулись в коридоре, коротко кивнул мне — в его взгляде не было ненависти, только тяжелое, молчаливое раздумье. Это была единственная кроха тепла за весь день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.